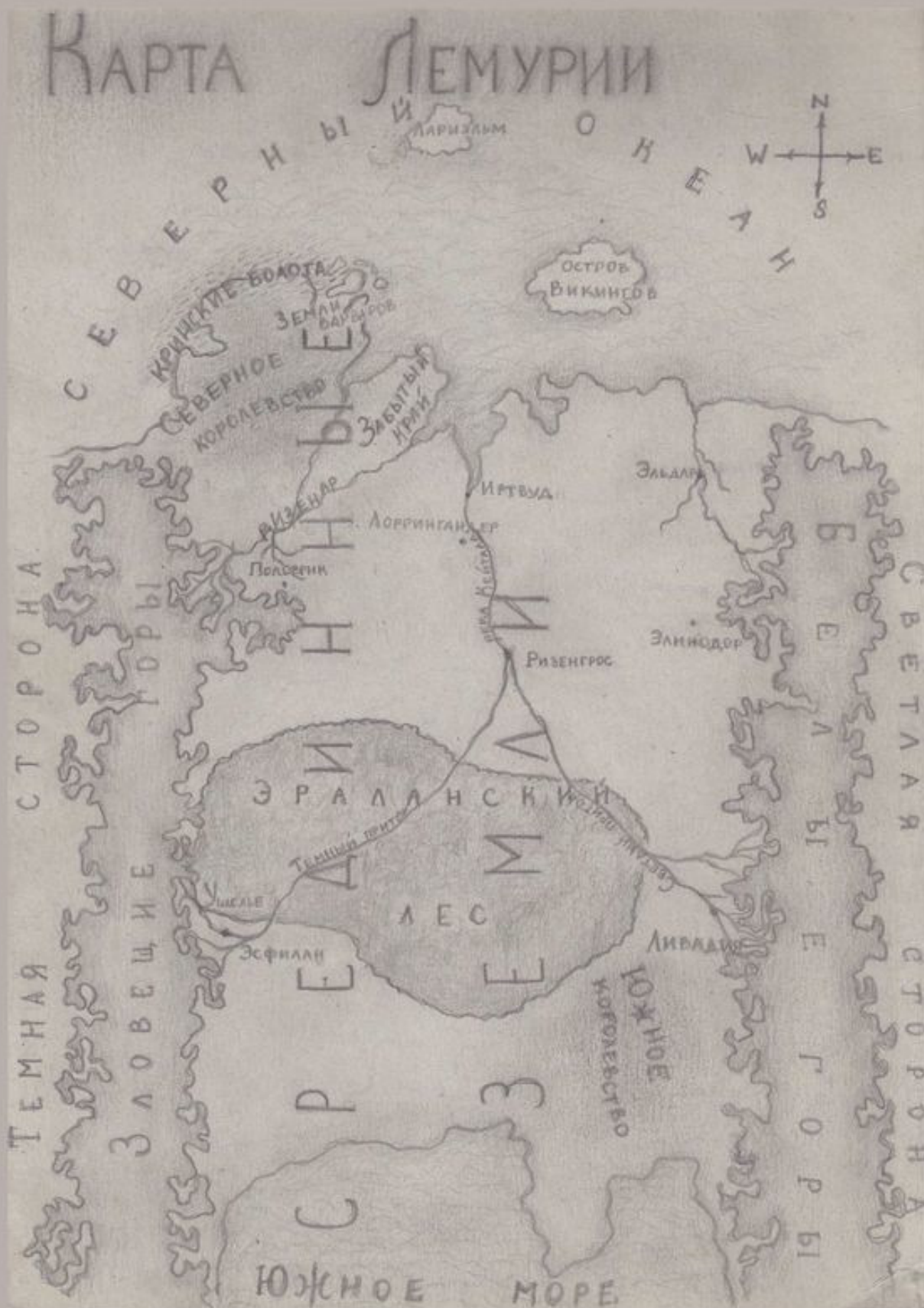

18+

Екатерина Разаренова

Древнее пророчество

Екатерина Разаренова
Древнее пророчество

«Издательские решения»

Разаренова Е.

Древнее пророчество / Е. Разаренова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-559944-5

История Срединных Земель помнит две войны Света и Тьмы. Согласно древнему пророчеству грядет последнее, третье противостояние, после которого в мире произойдут перемены. Но что изменится с наступлением новой эпохи — вещество, материя или образ мыслей, сознание людей и волшебников?

ISBN 978-5-00-559944-5

© Разаренова Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Древнее пророчество

Екатерина Разаренова

© Екатерина Разаренова, 2022

ISBN 978-5-0055-9944-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Янтарные лучи мягкого вечернего солнца падали на широкий дубовый стол, на котором громоздились стопки исписанных бумаг, свитки желтого пергамента, тяжелые толстые книги в кожаных переплетах с золотыми заголовками. Лучи солнца играли на гладкой блестящей поверхности белой вазы, сияли, преломляясь, в пустом хрустальном бокале и стеклянной чернильнице, в которую было воткнуто старое гусиное перо. В глубоком, обитом красным бархатом кресле сидел черноволосый человек, в глубокой задумчивости глядящий в окно. По его черным длинным одеждам, ниспадавшим тяжелыми складками, можно было догадаться, что он не простой человек, а чародей, а по золотому медальону с гербом в виде коронованного дракона, висевшему на его груди, – что он властитель цитадели черных магов и правитель Лоррингандера. Взгляд его глубоких карих глаз был устремлен за окно, где последние лучи заходящего солнца освещали небольшой парк, примыкавший к королевскому дворцу. Была поздняя осень, и почти все листья в парке опали. Ветви деревьев чернели на фоне вечернего неба, и их контуры четко вырисовывались в свете заходящего солнца. С севера надвигались, подгоняемые ветром, темные тяжелые тучи, предвещавшие обильный снегопад. Парк был пустынен: никого не тянуло гулять на жгучем морозе. Уныло оглянув пустынный и с виду заброшенный парк, человек в черных одеждах вздохнул и подумал, что будет неплохо, когда снег покроет голую землю и опавшие, уже посеребрившие листья, наводившие на него такую тоску. В последнее время он почти все время чувствовал тоску.

От мыслей чародея Мерлина отвлек стук в дверь. После слова «Входите!», дверь в кабинет мага медленно растворилась, и вошел пожилой слуга. На нем был старый потертый фрак, а на морщинистом лице застыло выражение почтения и учтивости. Он низко поклонился Мерлину и сказал чуть хриплым голосом:

– Милорд, извините меня за дерзость, ибо я осмелился нарушить ваш покой. Но меня привело к вам неотложное дело. Несколько минут назад в ворота вашего замка постучались – на пороге стоял человек в черном плаще. Капюшон полностью скрывал его лицо, а руки были в перчатках. Невозможно было понять, кто он.

– Так, и что дальше? – перебил слугу правитель Лоррингандера. Он повернулся лицом к вошедшему старику и меланхолично посмотрел на него. – Незнакомец попросил передать вам письмо, – с этими словами слуга протянул магу запечатанный конверт из толстой бумаги, – он сказал, что письмо очень важное...

Правитель Лоррингандера протянул руку, усеянную дорогими перстнями и кольцами, и взял письмо. На пять минут в комнате воцарилась мертвая тишина, прерываемая лишь хриплым дыханием пожилого слуги. Наконец правитель отложил исписанный мелким почерком листок и поднял глаза. – Как выглядел... человек, передавший письмо? – голос мага звучал взволнованно.

– Милорд, незнакомец был так плотно закутан в черные одежды, что невозможно было понять, кто он.

– Ты не заметил в нем чего-нибудь странного?

– Не могу сказать. Вы же знаете, в наше время на улицах можно встретить много таких вот загадочных незнакомцев.

– Он тебя ни о чем больше не просил? Ничего не спрашивал? – спросил Мерлин, в упор глядя на слугу. – Нет, милорд. – Ладно, можешь идти. Но смотри, если где-нибудь снова увидишь того, кто передал это письмо, немедленно сообщи мне, – сказал Мерлин. Старый слуга еще раз поклонился волшебнику и вышел, закрыв за собой дверь. Весь вечер его не покидала мысль о загадочном письме. Что могло так обеспокоить правителя Лоррингандера? Слуга не был до конца откровенен с Мерлином, он не рассказал о терзавших его догадках. Когда

фигура в черном протягивала письмо, слуга успел заметить, что на его руке было больше пяти пальцев. Он не успел сосчитать пальцы, так как незнакомец быстро отдернул руку, заметив любопытный взгляд слуги, но слуга был твердо уверен, что рука была нечеловеческой. Внимание старого слуги также привлекли необычный низкий и шипящий голос и какая-то неестественно плавная, скользкая походка незнакомца. Немало он удивился и тому, что письмо передать королю попросили именно его. Ни для кого не был секрет, что правитель Лоррингандера – черный колдун, да еще и очень могущественный. Чародеи не доверяют свои письма обыкновенным людям.

* * *

Фигура в черном одеянии словно тень скользила по узким улочкам Лоррингандера. Был уже вечер, и слабые солнечные лучи освещали лишь красные черепичные крыши домов и отражались в окнах верхних этажей. Дома в этой части города, построенные из обработанного темного камня, были высокими, с узкими фасадами, лишенными каких-либо украшений, с черепичными двускатными крышами; окна в них были тоже узкими и вытянутыми. Если верхние этажи домов еще были залиты солнцем, то внизу, на узенькой улочке, уже царил полумрак. Факелы на стенах домов еще не были зажжены. Это была самая старая часть Лорингандера.

Фигура в длинном черном плаще не привлекала внимания у немногих прохожих. Походка незнакомца была плавной и быстрой. Он быстро прошел одну мало-мальски людную улицу, обогнул темный переулок и вышел на перекресток, на углу которого стояла дешевая гостиница. Незнакомец осторожно осмотрелся по сторонам и вошел в гостиницу.

Пару часов назад он стоял около королевского дворца и долгое время рассматривал его. Королевская резиденция Лоррингандера включала огромный дворец с шикарным убранством, отстроенный несколько веков назад, место регулярных увеселений знатных людей, и старинный замок в романском стиле, стоявший по левую сторону от нового дворца. Когда-то этот замок принадлежал лорду Лоррингу. Согласно преданию, лорд покровительствовал черным колдунам, которые помогали ему обогащаться. В те далекие времена в Срединных Землях господствовали крестоносцы, последователи христианской веры, презиравшие всякую магию. Среди волшебников преобладали простые смертные люди, не владевшие высшей магией, которым гонения со стороны церкви представляли реальную угрозу. В народе пошли слухи о том, что в родовом поместье Лорринга находится притон антихристов и чернокнижников. Когда эти слухи дошли до набожных крестоносцев, воинов христианских стран, армия под белым знаменем с красным крестом двинулась на северо-западные берега реки Кейталы, туда, где располагался замок Лорринга.

Крестоносцы, которыми двигала не столько идея дьявольского происхождения магии, сколько желание сохранить свою власть и влияние в Срединных Землях, объявили лорда еретиком, антихристом и вынесли ему приговор: публичное сожжение на костре. Но когда армия крестоносцев подошла к городу лорда, маги, получавшие от него помощь, объединив свои силы, сделали город летучим. С помощью колдовства город вместе с замком лорда поднялся в воздух, и под ним образовались облака. Город был спасен. С помощью сил черной магии он стал расти, расширяться и вскоре был признан независимым королевством. Население города-королевства стремительно увеличивалось, несмотря на то, что Лоррингандер был открыт далеко не всем.

Несколько веков Лоррингандером правили короли из древнего рода, потомки лорда Лорринга, но однажды род прервался, и по завещанию последнего монарха Лоррингов власть перешла в руки черных волшебников из Ордена Дракона, чьими предками был спасен город. В городе маги устроили свою цитадель. Они обустроили город и сделали жизнь в нем небывало удобной. Мощными чарами они защитили город.

Когда в незапамятные времена город по волшебству многих колдунов и ведьм поднялся в воздух, на земле, где он стоял, образовалось глубокое темное озеро. По берегам этого озера стоят ворота – северные, южные, восточные и западные. Только через них можно попасть в город. В воротах этих горит денно и ночью необычный огонь; алые языки пламени не опасны, они обжигают только тех, кто направляется в Лоррингандер с дурными намерениями. Люди, ступая в ворота на берегу озера, выходят в Лоррингандере, высоко над землей. У ворот с обеих сторон всегда караулит стража, облаченная в шлемы и нагрудники с гербами в виде драконов – гербами Лоррингандера. Бесконечный поток через ворота – людей, всадников, повозок, экипажей, нагруженных телег – стихает только с закатом солнца.

Горожане чувствуют себя безопасно в своем городе-королевстве, ибо знают, что их защищают волшебные чары. Волшебство, поддерживающее город, неразрывно связано с силами Ордена Дракона, его чародеями, владеющими высшей магией. Поэтому короля в городе почитают и превозносят.

Шагая по мощным мостовым, незнакомец невольно восхищался красотой городских улиц и площадей. Градостроители продумали абсолютно все: гармоничное сочетание каменных построек и мостовых с зелеными насаждениями, мощные крепостные стены, на которых сидели каменные изваяния драконов, систему очистки – вся грязь и нечистоты сгорали в волшебном огне, то тут, то там полыхавшем в узких канавках вдоль улиц, на площадях, в окнах домов. В центре города протекала широкая река, постоянно обновлявшая свои воды из темного озера на земле с помощью волшебства. В реку впадали многочисленные каналы и более мелкие реки, изрезавшие городские кварталы вдоль и поперек. Везде чувствовался достаток. Все вызывало в незнакомце в черном плаще зависть. Как хорошо здесь жили люди...

Он открыл дверь, ведущую в снимаемые им комнаты в цокольном этаже гостиницы. У полыхавшего камина в деревянном резном кресле сидел человек в серо-зеленом дорожном костюме. Его бледные, украшенные драгоценными перстнями руки покоились на подлокотниках кресла; огонь камина освещал его волосы, отливавшие синим, и странное лицо. Вероятно, этот человек считал себя привлекательным; эта тщеславная уверенность и надменность сквозили в его движениях, манерах, выражении лица. Однако вместо того, чтобы очаровывать, его внешность, заостренные черты лица и угловатая фигура, вызывали неприязнь.

Человек услышала тихие, еле слышные шаги и обернулся. В мрачное, освещаемое только неярким огнем камина помещение вошел человек в просторном черном плаще.

– Какие новости, Смарагд? – раздался низкий голос. – Король прочитал письмо...

Фигура в черном подошла к волшебнику и остановилась напротив камина, глядя на пламя. Обстановка комнаты была бедной, скудной. Стены были обклеены выцветшими бумажными обоями, на которых в некоторых местах виднелись влажные разводы. В комнате было сыро и холодно, только от горящего камина исходило немного тепла.

– Тебя никто не заметил?

– Нет, – ответил Смарагд, и, помолчав мгновение в задумчивости, тихим голосом спросил, – что составляет богатство Лоррингандера?

– Ты здесь никогда не бывал прежде? – спросил чародей, хотя в ответе не нуждался, – да, что тебе здесь делать... Лоррингандер... Когда видишь его впервые, он поражает воображение, не правда ли?... Королевству принадлежит единственное в Средних Землях алмазное месторождение, на севере Зловещих гор. Волшебники из Ордена Дракона обнаружили и разработали его еще до II войны Света и Тьмы. На каком основании они присвоили себе этот неиссякаемый источник богатства?... Они соорудили крепостные стены вокруг места добычи драгоценного камня и наложили на него защитные чары. И я даже при желании не смогу найти его в горах... Воины Лоррингандера доставляют алмазы в город, где специально обученные люди обрабатывают их. Иметь дом в Лоррингандере весьма престижно среди высокородных дворян, феодалов, богатых купцов и волшебников из знатных семей. Помимо бриллиантов

здесь театры, увеселительные дома на любой вкус, учебные заведения, рынки и базары, где есть товары со всего мира... Королевская резиденция, придворная жизнь. Развлечения круглый год.

Волшебник вздохнул и откинул голову на спинку кресла, прикрыв глаза. Потом снова склонил голову к камину, задумчиво глядя на огонь, и заговорил:

– Белые маги захватили почти всю власть в Срединных Землях. Черным волшебникам остался только один город – Лоррингандер – и кому?.. Ордену Дракона! Хозяину и его Триаде принадлежат все месторождения драгоценных камней и металлов, угольные шахты и прииски в Зловещих горах, и еще своя целая армия – да они еще богаче чем правители Лоррингандера!... Ордену Паука принадлежит часть Эраланского леса и земли южнее его; они торгуют редчайшими породами деревьев и драгоценными тканями и материями из волшебной паутины. Орден Волка владеет землей и огромным замком на побережье в заливе Элиас; им подчиняются все вампиры и вервольфы. Почти все ордена темной магии не обделены... а мой орден... Орден Змеи?.. что есть у нас? Мы живем далеко, за Южным морем, в пустыне, где живут только дикие народы. В бескрайней жаркой желтой пустыне, где нет ничего.

Языки пламени отражались в раскосых темных глазах чародея. Его руки были сжаты в кулаки. Огонь горел без поленьев – это был волшебный огонь, которого так много в Лоррингандере.

– У вас есть шанс все изменить, – проговорил Смарагд.

Волшебник взглянул на него; угол его рта поднялся в легкой, еле заметной усмешке.

– Какую выгоду ищете вы?

Смарагд ссутулился и подошел еще ближе к огню в камине. Он помолчал несколько минут, потом заговорил тихим, шелестящим голосом:

– Что есть у моего народа? Люди лишили нас всяких прав. Они презирают нас и ненавидят, потому что боятся. Они изгнали нас из Срединных Земель. Нам пришлось вернуться на Темную сторону, откуда уходили в поисках лучшей жизни. Почему люди считают, что только они имеют право жить в Срединных Землях?

Смарагд обернулся к волшебнику, и тот заметил блеск глаз под капюшоном. Блики огня блеснули и на гладкой чешуе, покрывавшей плоское лицо Смарагда.

Чародей наклонился и протянул руки к огню в камине. В комнате было одно маленькое окошко, запаянное железной решеткой, над самой землей. Маг увидел, что за окошком пошел снег. Смарагд продолжал глядеть на колдуна, но тот ничего не говорил.

Мерлин вздохнул и подошел к окну. За окном валил снег. Не кружась в воздухе, быстро и стремительно падали с неба и ложились на голую землю белые крупы снега. Ветра не было, но снег все равно шел косо. Начинало темнеть, и небо уже приобретало насыщенный синий цвет. Ветви голых деревьев были покрыты тонким снежным слоем. В парке, раскинувшимся перед окнами покоев короля, не было ни души. В глубокой задумчивости Мерлин прислонился к оконной раме.

Он принял власть в Лоррингандере чуть более года назад, когда его отец, Мерлин III, ушел из этого мира. Его отец, сильный черный маг, прожил более десяти человеческих жизней, половину которых он провел в Лоррингандере. Возможно, он жил бы и дальше, если бы не сильная тоска и печаль, которые мучили его последние десятилетия. Половину своей жизни Мерлин III провел в скитаниях по Срединным Землям и поисках знаний, а вторую – в Лоррингандере, который в годы его правления процветал. В последнее столетие своей жизни Мерлин III встретил и полюбил прекрасную Каролину, девушку из знатного рода, чьи владения располагались в северо-восточных краях, рядом с эльфийскими землями. О том, что ее избранник черный колдун, Каролина узнала только после свадьбы. Воспитанная в христианских обычаях, девушка не могла простить Мерлина. Семь лет она жила в отдаленном особняке на побережье

Северного океана, воспитывая их сына. Но Мерлин III любил ее слишком сильно и страстно, и не желал оставлять ее в покое. Она не выдержала горя и умерла, запретив мужу применять свои чары для ее спасения. Ее родня не приняла их сына, сына чернокнижника, и с семилетнего возраста Мерлин рос в Лоррингандере. Со дня потери возлюбленной, Мерлин III не знал себе покоя и ждал, когда сможет уйти из этого мира – он ждал, когда вырастет его сын.

Два месяца назад Мерлин IV готовился к официальной коронации, как неожиданно явилась она. Она была ни на кого не похожа. Каурантина, волшебница с севера. Он ничего не знал о ней. Знал только, что она вышла из холодных вод океана в ночь, когда упала с неба северная звезда. Она не была рождена людьми, и все в ней было так совершенно, словно она была сама упавшая звезда. Никогда ни до, ни после Мерлин не встречал такой красоты. Сильный волшебник может выглядеть так, как он того пожелает, но красота Кауры потрясла Мерлина до глубины души.

В общем-то появление Кауры было не таким уж неожиданным. Когда она впервые появилась в Лоррингандере, она жила в этом мире уже несколько лет. Однажды она явилась к Мерлину III, когда тот незадолго до своего ухода из мира бродил по побережью Северного океана, рядом с владениями своей Каролины. Мерлин III признал в ней волшебницу высшего уровня и принял в Орден Дракона, верховным магом которого являлся. Именно факт того, что Мерлин III являлся верховным магом Ордена Дракона, как сильнейший и старейший маг в ордене, и определял законность его владения престолом Лоррингандера. Однако после его ухода из жизни в ордене оставались два сильных и молодых волшебника, Каура и его сын Мерлин. И вопрос престолонаследия зависел и от силы обоих колдунов. Орден Дракона много веков правил городом-королевством Лоррингандер, и на трон его всегда всходили самые сильные и мудрые, старейшие маги, почти всегда это были верховные маги ордена.

Правление не доставляло Мерлину много хлопот. В основном всеми делами ведал Совет наместников – черных волшебников, простых, не высшего ранга, не владеющих высшей магией. Совет наместников был поражен силой новой колдуньи Каурантины. Они распространили по городу новость о том, что помимо наследного короля Мерлина IV у них есть королева, прекрасная волшебница с севера. Это вывело Мерлина IV из себя, однако было уже поздно. Горожане желали, чтобы на престоле восседали король и королева. И простой народ считал естественным, что король и королева должны обвенчаться, чтобы вместе начать правление.

Внутренний мир сильного волшебника непостижим. Несомненно, колдуны, рожденные от людей, более человечны, чем те, которые пришли в этот мир другими путями – например как Каура. Мерлин не знал происхождения своего отца, но хорошо знал свою мать, человека, с которым прожил первые семь лет жизни. Он часто бывал склонен вести человеческий образ жизни – принимать пищу, спать... Хотя во всем этом маг высшего уровня не нуждается. У таких волшебников невероятно сильна связь с природой и ее стихиями. Хотя периодически сон бывает им необходим, но свою энергию они могут восстанавливать путем ментального общения с природой и медитации. Мерлин был подвержен человеческим слабостям – его сердце было беззащитно перед страстями и чувствами.

Мерлин думал о холодных глазах новой волшебницы с севера, сжав в руке недавно принесенное письмо. Не было ничего удивительного, что тот, кто принес письмо, не стал передавать его лично Мерлину и заходить в замок – иначе король его сразу бы почувствовал. Сознание сильного волшебника значительно шире, чем у простого смертного. Сильные волшебники чувствуют окружающих в своем сознании, всех. Мерлин вспоминал, как он впервые почувствовал ауру Каурантины – и был поражен ее силой. Нет, он не уступал ей в силе, но все же... Он желал властвовать в Лоррингандере, богатейшем городе Средних Земель, безраздельно. Мерлину было интересно, было ли послано Кауре такое же письмо, как ему?

Клерви бодрым шагом возвращался домой после утомительного рабочего дня. На душе у него было легко и радостно. Ведь сегодня он заработал неплохие деньги. Он работал подмастерьем у сапожника на одной из улиц в Половрике – городе на самой границе Срединных Земель и Зловещих гор. Надо сказать, что Половрик – это ничем неприметный, типичный северный город, центр торговли и кожевенного ремесла. Это последнее наиболее крупное поселение людей перед Зловещими горами – входом в Темную сторону. Свое странное название город получил путем трансформации названия, которое поселению много веков назад дали основавшие его варвары, которые раньше заселяли эти края.

В Половрике родился и прожил всю свою недолгую жизнь Клерви. Судьба не баловала его. Мать его умерла при родах, а отца он никогда не знал. Поэтому Клерви до десяти лет жил в приюте для сирот при монастыре, где его воспитывали монахи, а потом сбежал оттуда, не выдержав строгости христианского воспитания и каждодневного однообразия. Он чувствовал, что мир гораздо больше и интереснее, чем рассказывали ему монахи. После побега для него начались годы бродяжничества и нищеты. Клерви едва умел читать и писать и был слишком молод, чтобы его приняли на какую-то работу. Когда ему было пятнадцать лет, один бездетный сапожник, сжалившись над бедным мальчиком, взял его к себе в подмастерья. Сапожник обучал Клерви своему ремеслу, традиционному в Половрике, и с семнадцати лет Клерви начал зарабатывать себе на жизнь.

В этот день Клерви возвращался в свою небольшую комнату на третьем этаже постоянного двора в приподнятом настроении. Войдя в трактир, он поздоровался с хозяином постоянного двора – добрым толстяком Виленом, ужинавшим за большим столом, и его милой дочерью Лори, которую он знал уже давно – еще с тех пор, когда Клерви бродяжничал и Лори вечером выносила ему на улицу еду. При виде Клерви у девушки загорелись щеки, и она потупила глаза. Проходя мимо зеркала, висевшего в передней, молодой человек взглянул на свое отражение. Он не мог пожаловаться на свою внешность – девушки часто обращали на него внимание. У Клерви были густые, слегка выющиеся темно – каштановые волосы, по-юношески свежая румяная кожа, большие и открытые серые глаза, прямой нос. Он был хорошо сложен, и, хоть и не очень высок, но довольно широк в груди. Он был удивительно похож на свою мать – ее единственный портрет он всегда носил с собой. Он не помнил, кто и когда дал ему небольшой деревянный медальон, внутри которого было маленькое изображение молодой темноволосой женщины. Клерви никогда не расставался с медальоном и твердо верил, что он когда-то принадлежал его матери. Ведь действительно, сходство между молодой женщиной на портрете и им было очевидно и неопровержимо. Поднявшись по лестнице на третий этаж, он порылся во внутреннем кармане куртки, достал ключи и открыл дверь, с которой свисала хлопьями белая краска. Его комната, которую он снимал вот уже несколько лет на постоянном дворе Вилен, имела весьма скромные размеры; в ней было одно высокое светлое окно, занавешенное желтым от времени, латанным – перелетанным куском материи. В комнате Клерви стояла высокая деревянная кровать с очень мягкой старой периной, рядом с ней ночной столик, а напротив окна возвышался старинный деревянный шкаф с потрескавшимся зеркалом. В метре от шкафа была дверь с высоким порогом, которая вела в ванную комнату. Стены комнаты были выбелены и стояли голыми – ни одна полка, ни одна картина не скрашивали обстановки. На ночном столике стоял медный подсвечник с наполовину прогоревшей желтой свечкой; на деревянной двери, ведущей в ванную комнату, висело тонкое полотенце из грубого сукна. Дверца шкафа была приотворена, и там, на нижней полке, лежала недоделанная работа Клерви-сапожника – иногда он брал работу к себе домой, чтобы успеть закончить ее за ночь. Окинув привычным взглядом свою комнату, Клерви прыгнул на кровать, которая скрипнув прогнулась под ним. Матрас на кровати был такой толстый и мягкий, что Клерви ощущал себя так, словно под ним были облака. Он сел и посмотрел в окно. А за окном разбушевалась стихия:

протяжно завывал ветер, шел густой снег. Зловещих гор было не видно из-за туч. Это немного огорчило Клерви: в свободную минуту он любил уютно усестись у окна и подолгу наблюдать, как медлительное солнце скрывается за горными цепями. Ветер подул еще неистовее и яростнее, словно хотел смести дома Половрика, и молодой сапожник подумал, как сейчас должно быть холодно и неприятно на улице и как хорошо, что у него есть теплый дом.

Раздался легкий стук в дверь, и через мгновение на пороге комнаты появилась Лори. Она принесла Клерви подогретого молока. Ее густые темные волосы были заплетены в длинную косу, перекинутую на маленькое округлое плечо. Она улыбнулась Клерви и, поставив поднос с молоком на его столик, неловко вытянула руки вдоль туловища. На ней было серо-голубое, в мелкую клетку платье на пуговицах.

– Как прошел ваш день? – отпив горячего сытного молока, спросил Клерви. Он не мог оторвать глаз от очаровательной девушки, – спасибо за молоко, очень вкусно.

– День прошел как обычно, – не прекращая улыбаться, сказала Лори.

– Сегодня у меня был удачный день, – вставая с кровати, проговорил Клерви, – еще немного осталось накопить – и я смогу открыть собственную мастерскую...

Он подошел к ней и посмотрел прямо в ее голубые глаза. Взгляд девушки посерьезнел, глаза ее широко распахнулись; у Клерви пересеклось дыхание. Он так давно знал ее, и она была для него самой доброй и самой красивой девушкой на свете. Он мечтал сделать что-нибудь хорошее для нее, мечтал сделать ее счастливой.

– Я пойду... батюшке надо еще помочь на кухне, – пролепетала Лори и быстро выпорхнула из комнаты, оставив после себя нежный цветочный аромат, который кружил голову Клерви.

Молодой человек улыбнулся, взял в руки стакан молока и присел снова на кровать. Он представлял себе счастливые картины, где он и Лори вместе.

Постепенно Клерви начало клонить ко сну. Он встал, задул засаленную свечу и, раздевшись, лег спать. А метель за окном все не утихала; похоже, ночью намеревалась разбушеваться снежная буря. Последнее, что Клерви услышал перед тем, как заснул, был вой ветра...

...По полю, покрытому снежными сугробами, мчалась галопом большая вороная лошадь с всадником на спине. Ветер развивал длинную черную мантию всадника. Шел снег. Белые крупные хлопья снега, медленно кружась в воздухе, незаметно ложились на землю. Было очень тихо, и даже стук копыт звучал как-то глухо. Нигде не было ни души; казалось, жизнь покинула этот уголок земли, эти просторные луга, окруженные еловыми лесами. Местность напоминала Забытый Край на севере. Был, похоже, уже вечер, и небо неторопливо темнело. Наконец лошадь замедлила бег и перешла на рысь. Черный всадник въехал в густой лес. Теперь он ехал по широкой, покрытой белым слоем снега тропинке, с двух сторон окруженной огромными елями с низко провисавшими от тяжести снеговых шапок ветками. Еще добрых полчаса лошадь бежала по лесной дорожке, и вот ели расступились, и перед всадником оказалась лесная поляна, окруженная строем высоких елей.

Лошадь остановилась, и всадник в черной мантии слез с нее. На поляне уже кто-то был. Другие люди в черных плащах обратили взгляды прибывшему всаднику. Присутствовавшие на поляне люди наклоном головы приветствовали новоприбывшего.

– Слава о вашей силе идет впереди вас, – раздался высокий голос. Говорил один из людей в черных мантиях, – вы избрали для себя путь?

Новоприбывший человек игнорировал вопрос.

– Я вижу, не все еще собрались, – сказал он, и по голосу стало понятно, что это женщина.

– Действительно, – сказал тот же высокий голос, – мы ждем только Персиваля и Мартину, чтобы вызвать Хозяина и Триаду.

Неожиданно кони, привязанные к деревьям вокруг поляны, взвились на дыбы и пронзительно заржали, пытаясь бежать в лес. В темноте леса зажглись две пары круглых волчьих глаз. Через минуту на поляну вышли еще две фигуры в черных мантиях; кони успокоились, как только волшебники Ордена Волка приняли человеческий облик.

Молча все присутствовавшие люди подошли к большому плоскому камню, лежавшему в центре поляны. На поверхности камня была вырезана пятигранная звезда – символ зла. Вокруг крупного камня на почтительном расстоянии располагались еще пять глыб, размерами немного меньше центрального. Пять камней символизировали темную силу и власть Хозяина. Волшебники окружили самый большой центральный камень и хором произнесли призыв Хозяину на темном наречии.

Над камнем загорелся алый костер, достававший до верхних веток елей. Странный то был огонь – от него не шел жар. В красном пламене стали вырисовываться неясные очертания человеческой фигуры; рядом с валуном вспыхнули еще три костра. Сноп искр взлетел в ночное небо, и в следующее мгновение все огни погасли, и на их месте оказались четыре человека. В центре, на самой крупной глыбе, возвышался Хозяин Зла. Он был очень высок, с его головы свисали пепельно-серые длинные волосы, лоб был перетянут обручем из белого золота, покрытым темными рунами. На гладком белом лице зияли глубокими провалами жуткие черные глаза. Вокруг него стояли три служителя Триады – три молодых сына Тьмы. У одного были светлые волосы, бледная, почти прозрачная кожа и глаза цвета арктического льда; второй был огненно-рыжим, с красновато-кариими глазами; а у третьего – волосы глубокого насыщенного темно-коричневого цвета и очень темные, почти черные глаза. Все трое были как на подбор высоки и широки в плечах и груди.

В глазах Повелителя вспыхнул огонь, потом погас, и глаза его стали абсолютно черными, без зрачков, без белков. Все волшебники преклонили перед ним колени, опустив головы.

Хозяин оглядел всю поляну и собравшихся на ней людей черными провалами глаз.

– Мы собираемся здесь, тайно от Совета старейшин, – произнес он удивительно холодным, властным голосом, – чтобы иметь возможность говорить и обсуждать наши дела без лишних свидетелей, без посторонних... Нас осталось мало, после войн Света и Тьмы, мы будто вымираем.

Никто не помнил его имени. Он был самым сильным черным волшебником, и все прочие черные маги были вынуждены повиноваться ему и обращаться не иначе как Хозяин.

– И сегодня все собрались здесь, – вновь продолжил Хозяин сильным голосом, – я, верховный маг Ордена Тьмы, и моя Триада, мои служители, – Риагат, Данаид, Марциан.

Когда Хозяин называл волшебников по именам, они вставали с колен. Все они были одеты в черные одежды, скрывавшие их лица и фигуры. Но они без труда узнавали друг друга – все они до единого были сильными волшебниками, волшебниками высшего уровня и чувствовали друг друга незримо.

Риагат был светловолосым служителем Триады, Марциан рыжим, а Данаид темноволосым. Хозяин был самым сильным черным волшебником на протяжении многих столетий; он имел нечеловеческое происхождение – он пришел с Темной стороны после I войны Света и Тьмы, когда прежний Хозяин, верховный маг Ордена Тьмы, устав от борьбы, принял решение уйти из мира. Жизнь сильного волшебника не ограничена временем – маги высшего уровня бессмертны. Срок их пребывания в мире определяется только их желанием. Нынешний Хозяин прошел II войну Света и Тьмы, и после нее стал чувствовать неотвратимую усталость и меланхолию. Это подвигло его на путешествия по южным неизведанным краям. Он понимал, что возможно скоро у него возникнет желание уйти из мира, и это страшило его – потому что он боялся неизвестности и не знал, куда уходить из этого мира. Боялся и тех злодеяний, которых натворил за свою жизнь, – боялся, что впереди его ждет расплата. В таком душевном состоянии он повстречал в пустыне дух Тьмы, который предсказал ему появление Триады. Хозяин

рассказал духу о своей усталости и страхе, но дух предупредил его, что уходить ему еще рано, а когда настанет момент ухода, ему помогут уйти, если сам он не решится. Дух подсказал ему, где искать новых сынов Тьмы – Риагата он нашел маленьким младенцем среди холодных вод Северного океана на плавающей льдине, Марциана в жерле горящего вулкана, а Данаида – позже всех, на восточных склонах Зловещий гор, когда тому уже исполнилось шесть лет. Таким образом, все служители Триады имели нечеловеческое происхождение. Хозяин забрал всех трех одаренных сына Тьмы в свой замок, стоящий на скале в Зловещих горах, вблизи северной части Эраланского леса, и там воспитанием и обучением новых магов занялась прислуга. Было это в то время, когда Мерлин III, король Лоррингандера, готовился к свадьбе с возлюбленной Каролиной. С появлением молодых колдунов, составлявших вместе Триаду, Хозяин почувствовал облегчение и желание жить в мире людей дальше.

– Орден Волка, Персиваль и Мартина.

При этих словах Хозяина поднялись на ноги два черных волшебника – Персиваль и Мартина были неразлучны. Они оба пришли в Срединные Земли неизвестно откуда чуть больше века назад, когда Орден Волка, казалось, вымер, и вся подчиняющаяся этому ордену нечисть, вампиры и оборотни, распоясалась, не имея над собой контроля несколько десятилетий. Темно-рыжие волосы Мартины отливали медью, волосы Персиваля были серы, как пепел. Они оба имели несколько дикий вид, возможно из-за их хищных каре-желтых глаз, одежды с множеством застежек, плотно облегающей их стройные, крепкие тела и свободного нрава. Они могли перевоплощаться в волков, и часто не возвращались в человеческие обличья днями и неделями, наслаждаясь свободой и покоем одиноких хищников. В своем старинном готическом замке на побережье северного океана они сыграли свадьбу; торжественная мрачная церемония была достойна ночного мира вампиров и веровольфов, для которых Мартина и Персиваль были повелителями.

– Орден Паука, Райнер, Дамиан, Гильберт, Изидор и Марселлет.

Верховный маг Райнер был старейшим магом Ордена Паука, он родился в семье простых волшебников в начале II войны Света и Тьмы. Он выглядел как мужчина средних лет, с седыми висками. Райнер любил жить среди людей, любил женщин и роскошь во всем – в одежде, украшениях, убранстве его особняка. Дамиан, темноволосый и молчаливый маг, бывший младше его на век, всегда сопровождал Райнера. Гильберт и Изидор, оба человеческого происхождения, были старше Мерлина IV всего на полсотни лет и выглядели оба молодыми темноволосыми красавцами. Марселлет была очень красивой, соблазнительной ведьмой – женственная фигура с выразительными изгибами, как у гитары, длинные, цвета воронова крыла волосы, всегда собранные в высокую пышную прическу, яркие обведенные черным глаза, белоснежная кожа. Она была похожа на пантеру. Никто не знал о происхождении Марселлет, да и она уже сама забыла о том. Она жила в Срединных Землях около восьми человеческих жизней, и ей все время было мало – она хотела получать как можно больше удовольствий от жизни; человеческие радости и развлечения привлекали ее необычайно.

– Орден Дракона, Мерлин и Каурантина.

Мерлин боковым зрением видел Каурантину. Она прибыла на собрание чуть не самой последней. Ему было очень интересно, где она была. Все время на поляне он держал на ней свое внимание, своим сознанием, всеми силами стараясь, чтобы этого никто не заметил. Мерлин слыл за красавца при дворе в Лоррингандере, однако он не придавал этому значения, большая часть его сознания была занята мыслями о власти.

– Орден Змеи, Сигманд, Шеврон, Гильфен, Амирхан, Бернхард, Бардолф, Кенельм, Камден.

Орден Змеи был самым многочисленным из четырех орденов темной магии. Большинство волшебников этого ордена выжили во время II войны Света и Тьмы, и только Амирхан и Гильфен были молоды – Гильфен появился во время отлива на Южном море сто двадцать лет

назад прекрасным зеленоглазым юношей, и сам нашел черных колдунов ордена; Амирхан же был сыном Бернхарда, единственного сильного волшебника, у которого были дети, за исключением Мерлина IV. Бернхард не ожидал рождения сына, когда несколько десятилетий назад обманом завладел черноокой и черноволосой женщиной из южного народа. Вероятно, это было связано с тем, что Бернхард сам был рожден женщиной, и в нем было сильно человеческое начало. Остальные же маги Ордена Змеи пришли с Темной стороны и были старше всех прочих черных волшебников, кроме Хозяина. Они все имели весьма мрачный и угрюмый вид, возраст читался в их лицах и фигурах.

– Смарагд. Жрец пантоломейского народа, – Хозяин вперила черные глаза в единственную фигуру, оставшуюся на коленях, – сегодня ты будешь нашим гостем.

Жрец пантоломейских змеелюдей, порождений Тьмы, выпрямился и откинул семипалой рукой капюшон. Под капюшоном была голова змеелюдей – лысая, покрытая багряной чешуей, без губ, без век. Вместо носа были две узкие продолговатые щели, а глаза были в точности как у настоящей змеи, только располагались на лице как у человека.

– Какие же вести ты принес нам, маган? – змеелюдей черные волшебники называли маганми, – ты проделал такой долгий путь с Темной стороны, из самой Пантоломеи.

– Хозяин... – прошипел Смарагд, снова низко кланяясь, – я один из немногих среди нашего народа, кто умеет колдовать, поэтому я стал жрецом...

– Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, и что хочешь сказать, – ледяным тоном произнес Хозяин, – не болтай тут много. Ты хочешь рассказать нам о проклятье Аримана.

Смарагд вздрогнул и кивнул.

– Когда выстроятся звезды седьмой галактики змеиным парадом, – зловещим голосом произнес он, – и на небосклоне засияет звезда Аримана, придет посланник Мрака в Срединные Земли, и возвестит о конце эпох.

* * *

Клерви проснулся рано утром в холодном поту. Он резко сел на кровати. Только что ему приснился кошмарный сон, и причем такой явственный, словно бы он был там в действительности. Во сне он видел сборище черных магов в лесу Забытого Края. Среди магов был змеелюдей.

При этом воспоминании Клерви передернуло. В его сне змеелюдей снял капюшон, и Клерви видел его голову. Но как такое может быть? Наверное, это был плод его воображения. Клерви никогда в жизни не видел змеелюдей, только слышал, да и то в сказках и легендах. Говорят, что их страна – Пантоломея – находится где-то очень далеко за Зловещими горами, на Темной стороне. В Срединных Землях не встретишь змеелюдей. Давным-давно были они изгнаны из Срединных Земель, и с тех пор они никого не тревожили; люди почти забыли о них. Пантоломея стала далекой, мифической страной и постепенно ушла в легенды. Сидя за кружкой пива в каком-нибудь трактире, нередко можно услышать невероятную историю о темных созданиях, байку о народе Пантоломеи. Но все это, конечно, выдумки.

Клерви решил не думать о странном сне. Незачем в свободный день портить настроение. Ему часто снились странные сны. Например, однажды ему приснилось, как горные орки напали на торговый эшелон, с которым он собирался отправиться в соседний город (это было еще в годы его бродяжничества). Сон был как наяву, и Клерви все-таки не решился сопроводить этих торговцев. И через несколько недель он узнал, что злосчастный торговый эшелон был разгромлен орками. Спать Клерви больше не хотелось. Он посмотрел в окно – потихоньку занимался рассвет. Он встал, умылся в ванной и решил сходить на городской рынок. Деньги у него были, и его мысли уже крутились вокруг идеи подарка для Лори. Заодно по пути

заглянет в один приглянувшийся ему трактир и позавтракает. Было чудесное воскресное утро, и у Клерви поднялось настроение. Он почти совсем забыл о кошмарном сне.

Как только окончательно рассвело, Клерви вышел на улицу. Ярко светило солнце, и снег ослепительно сверкал в его зимних холодных лучах. Воздух был морозным, свежим и удивительно чистым. Словно ночная снежная метель очистила все вокруг, отбелила, а что не смогла смыть, то прикрыла сияющим белоснежным покрывалом. Людей на улицах Половрика еще было немного. Клерви бродил по городу, ожидая, когда откроются торговые лавки. Но вскоре это ему надоело, и он решил прогуляться за город. Постоялый двор, в котором он жил, находился на юго-западной окраине Половрика, и поэтому уже через полчаса Клерви вышел через городские Южные ворота. Сразу за воротами лежал обширный луг. Лютая северная зима уже наступала, и луг был покрыт неглубокими сугробами. Неприветливо, печально выглядит поле в это время года. А зато летом лучшего места для прогулок и пикников не сыскать. Луг во всю цветет; куда ни глянешь – везде яркие благоухающие цветы: сиреневые колокольчики, пушистые васильки, душистый клевер, огненно-красный мак, небесно-голубые незабудки и обыкновенные полевые ромашки. Среди цветов порхают пестрые бабочки; жужжат полосатые пчелы. В лазурном небе парят птицы; больше всего здесь ласточек. Слетается сюда и большое количество соловьев. От их звонких, жизнерадостных песен сердце наполняется радостью; душа рвется взлететь, воспарить над цветущим, полным жизни полем. Осенью луг меняется. Поле желтеет и высыхает. Жизнь покидает его – все звонкоголосые птицы, лившие здесь летом свои прекрасные песни, улетают на юг; мелкие полевые зверьки прячутся в норки на зимовку. И зимой луг становится похожим на бескрайнее белое море, замерзшее и неподвижное. Никакое живое существо не оживит его, не нарушит безмолвную тишину. Люди не любят ходить на луг зимой, и даже дети не прибегают сюда играть в снежки – а ведь лучше места для таких игр во всем Половrike не найти. Суеверные жители Половрика поговаривают, что злые чары, овладевшие заброшенным старинным монастырем неподалеку от Южных ворот города, владевают и полем в холодное время года. Как бы там ни было, но луг лежит зимой одинокий и заброшенный; сонное оцепенение овладевает им.

Однако сонное настроение не передалось Клерви, напротив, он был бодрым и чувствовал прилив сил. Быстрым шагом он пересек поле по проселочной дороге и вошел в осиную рощу. От тощих голых осин на снежный ковер ложились узкие голубоватые тени. Рощица была небольшой, и Клерви перебрался через нее за пять минут. Он поднимался на вершину невысокого холма, с которого открывался вид на Зловещие горы и окрестную местность.

Взобравшись на вершину холма, Клерви увидел его родной край, залитый зимним солнцем. На юге вздымались серые громады гор, на западе тоже устремлялись ввысь горные вершины, и вдалеке застилала горизонт черная пелена, будто черные гроззовые тучи, – то была Темная сторона. С северной стороны как на ладони лежал Половрик, а за ним вилась лента реки Изенар. Ее воды не замерзали зимой, несмотря на жесткие северные морозы. На востоке, насколько хватало глаз, расстилалась равнина, лишь малая часть необъятных просторов западного края. Покрытую снегом равнину вдоль и поперек бороздили дороги, кое-где виднелись небольшие поселения и деревни. Яркое зимнее солнце слепило глаза, и мешало Клерви осматривать окрестности. Он любил здесь бывать. Он мог часами стоять на вершине холма, кажущимся таким крохотным по сравнению со Зловещими горами, и любоваться величественной красотой гор, строгими и суровыми очертаниями горных цепей, белоснежными пиками высоких вершин.

Стоя на холме, Клерви вдруг заметил внизу на небольшой поляне у подножия холма одну темную фигуру, куда-то спешащую. Клерви стал наблюдать за ней, ему стало интересно: в этих местах редко кто бродил, потому что дорога в Зловещие горы проходила к северу от Половрика. Кроме того, недалеко располагался старый заброшенный монастырь, о котором ходили дурные слухи. Клерви быстро спустился с холма и последовал за фигурой.

Черная ткань развевалась на ходу, фигура была тонкой, изящной и достаточно высокой, скорее всего, женской. Она направлялась напрямик к старинному монастырю, через реденькие рощи. Это испугало Клерви, но он не мог оторвать зачарованного взгляда от загадочной фигуры. Монастырь был оставлен монахами и священнослужителями в годы II войны Света и Тьмы, когда вокруг велись сражения. Черные волшебники использовали постройки монастыря на войне в своих целях, и монахи, считая место оскверненным, не рискнули туда возвращаться. Среди горожан ходили слухи, что в монастыре остались жить черные волшебники, но проверить это никто не стремился.

Старая выложенная булыжником дорожка вывела темную фигуру к аллее перед монастырским зданием, сохранившемся лучше всех – раньше в этом здании была трапезная монахов. С левой стороны здания стоял заброшенный храм, а с правой, за наполовину разрушенным фонтаном, стояли одноэтажные длинные дома, в которых раньше были кельи. Чуть поодаль высилась часовня, в тени которой разместилось кладбище. Мрачный облик имели все монастырские постройки, выполненные в готическом стиле. Все вокруг выглядело заброшенным, однако из трубы в крыше трапезной поднималась струйка дыма.

Этой фигурой была Каурантина. Она прошла через наполовину разрушенные ворота, почувствовав совсем легкое сопротивление – черные волшебники наложили защитные чары на свое жилище, но они не оставили на ней даже царапины. Она чувствовала, что за ней шел человек – но не придавала этому никакого значения, – она подумала, что, возможно, это была прислуга волшебников, выставленная для дозора. Ей не было никакого дела до простого смертного. Взмахом руки она отворила настежь тяжелые металлические двери и вошла внутрь просторного зала. Двери за ней со скрипом закрылись, и три старых волшебника в темных мантиях вскочили на ноги в дальнем конце зала у огромного полыхавшего камина, перед которым стоял длинный стол.

– Кто ты? – неприветливым голосом спросил один из них, наставив на нее свой посох. Волшебники были огорошены ее появлением – у простых чародеев в распоряжении были только органы чувств, как и у всех простых смертных людей. Они не могли почувствовать ее приближения. Они жили, как простые смертные люди, старели, женились и рожали детей; для поддержания жизни им была необходима еда и сон. Простым волшебникам для того, чтобы колдовать, всегда были необходимы волшебные посохи, кольца или иные приспособления. Их магические способности были сильно ограничены по сравнению с колдунами высшего уровня, однако своей численностью в Срединных Землях они всегда в разы превышали сильных волшебников.

Каурантина, храня молчание, медленно шагала по ковру, выстилавшему пол зала. Черноволосая, угловатая, бледная девочка-подросток и белокурый юноша в черной мантии, стоявшие у стола, испуганно переводили взгляд с нее на старых магов.

Клерви притаился чуть поодаль от здания, за оградой, следя за происходящим через окно, лишённое створок. Он боялся за незнакомку, осмелившуюся войти в заброшенный монастырь.

– Вы слышали обо мне, – произнес холодный женский голос. Каура откинула отороченный черным мехом капюшон с головы, подходя к столу у камина.

– Волшебница с севера... – полувопросительно, напряженно, с нотками страха спросил один из старых колдунов.

Каурантина рассматривала зал, медленно продвигаясь вперед.

– Это нам сейчас не нужно, – с этими словами она легким движением руки выбила из рук ожидавших магов их посохи. Юноша дрожащими руками достал короткую волшебную палочку и застыл, прижимая ее к себе.

Каура подошла к столу и со вздохом опустилась в одно из деревянных кресел, продолжая осматривать зал. В целом зал был ухожен и чист; здесь было светло и тепло. Над столом висела

огромная люстра в виде металлического обруча, по периметру которого крепились подсвечники. Дрова в камине тихонько потрескивали, нарушая тишину. Клерви на улице перестал дышать – он понял, за кем он пошел. На душе у него похолодело.

– Мы не служим никакому ордену, – сказал один из волшебников, глядя на Кауру.

– Я знаю, – голос Каурантины был очень холоден. У Клерви мурашки шли по телу от ее голоса. Но в то же время он не мог оторвать от нее глаз – никогда он видел такой неземной красоты. Словно она была не из живой плоти, словно ее тело было соткано из тысяч бриллиантов. Сверкающие гладкие длинные волосы, идеальная белоснежная кожа, яркие выразительные губы и опущенные длинными черными ресницами глаза – невыразимо прекрасные глаза, словно вобравшие в себя свет небесной звезды. Она была еще более прекрасна, чем он видел ее во сне.

– Наступает время перемен, – проговорила Каурантина, – С Темной стороны прибыл посланец. Он принес весть – скоро свершится проклятье Аримана.

– Проклятье одного из магов древности? – переспросил один из волшебников.

Каура обратила на него немигающий пристальный взгляд, пронзающий насквозь. Волшебник замер под этим взглядом.

– Ариман – основатель Ордена Змеи, – шепотом проговорил юноша.

Каура криво улыбнулась, взглянув на молодого черного волшебника, и расслабленно откинула голову назад, на спинку кресла. Щеки юноши покраснели, но он не опустил взгляд, напряженно наблюдая за Каурой.

– Сигманд начал собирать волшебников своего ордена и всех своих сторонников. Хозяин доверяет ему, – сказала Каура, помолчав, – вы должны сделать свой выбор.

– Госпожа, мы...

– Остаться в стороне не получится, – перебила Каура, – Противостояние сил коснется всех. Грядут большие перемены.

Клерви не хотел слушать дальше; ему было страшно. Он вдруг опомнился и осознал, в каком опасном положении находился. Этой незнакомке в черном плаще явно не нужна была его помощь. Как мог он так неосмотрительно приблизиться к этому опасному месту, к черным волшебникам. Медленно и осторожно он выбрался на дорожку, ведущую к монастырю, а дальше пустился уже бегом назад в город. Солнце светило все так же ярко, снег все так же сиял в его лучах, но теперь это уже не радовало Клерви.

Глава 2

Ганимед сидел за дубовым резным столом в своих покоях в замке Совета старейшин в Ризенгросе, самом крупном городе Срединных Землей. Совет объединял всех сильных магов Срединных Землей – и белых, и черных. В него входило сто чародеев высшего ранга, которые принимали участие на заседаниях и собраниях, где обсуждали вопросы, проблемы, принимали решения. Черных волшебников среди них было двадцать, большинство же составляли белые маги, из которых сорок входили в Орден Целителей, посвятивших свои жизни лечению и помощи людям, десять – в Орден Друидов, испокон веков живших в чащах Эраланского леса и изучавших тайны природы, двадцать – в Орден Орла, преследовавшего и истребившего больше всех черных магов в годы войн, четыре – в Орден Единорога и один, Энрид, самый старый их всех ныне живущих волшебников, – в Орден Света.

Вся власть над Срединными Землями и ее народами была в руках Совета старейшин в Ризенгросе. Фактически же правлением в свободных городах Срединных Земель занимались волшебники из Ордена Единорога и Ордена Орла, которые не только следили за соблюдением закона на вверенных им людьми землях, но и решали споры, проблемы людей, защищали их от злых сил, контролировали казну и городскую стражу. Белые волшебники пользовались среди народа почетом и уважением.

Сильные волшебники, владевшие высшей магией, – волшебники высшего уровня – все входили в какой-нибудь орден и составляли его верхушку. На служение в ордены принимались и простые маги – они могли сами выбирать, кому служить, выбирать черную или белую магию. Но могли они и быть свободными и не входить ни в один орден. Сильные же волшебники не имели никакого выбора – для них это было предопределено еще до их появления на свет; для них это определялось особенностью их силы, их внутреннего мира. Белым волшебникам никогда не стать черными, никогда не подчинить себе стихию огня, а черным – никогда не научиться исцелять. Все сильные волшебники знали друг друга, их было сто человек во всей Лемурии. Много веков назад белые и черные маги объединились в Совет старейшин, который временно распался в I и II войнах Света и Тьмы, и были вынуждены считаться друг с другом. Они все старались держаться мирных отношений, которые, однако, часто подрывались коварством Ордена Змеи и чрезмерной воинственностью Ордена Орла – в итоге в истории Срединных Землей осталось две войны Света и Тьмы, в которых белые и черные маги шли друг против друга, вовлекая в борьбу все народы Срединных Землей.

Очень много человеческих жизней бродил Ганимед по Срединным Землям. После II войны он стал верховным магом Ордена Единорога. Когда-то очень, очень давно он был простым крестьянским сыном. В одну ночь маленький мальчик сидел на берегу реки и увидел падающую звезду; он полез в воду за звездой, а через какое-то время он осознал, что владеет магическим даром.

Ганимед был погружен в чтение письма. Его седые кустистые брови сомкнулись над глазами.

Через некоторое время он закончил чтение и отложил письмо. Весь его кабинет был заставлен дубовыми шкапами с книгами, свитками пергамента, коллекциями засушенных растений, склянками с разноцветными жидкостями. Ганимед достал с одной полки карту Срединных Землей и разложил ее перед собой на столе. Он долго водил по ней руками, прикрыв глаза. Мысленно он путешествовал по тем местам Срединных Землей, где он бывал. Он вспоминал, что видел и переживал. Спустя время он тяжело вздохнул и откинулся в кресле. Его рука лежала на Темной стороне – месте, где никогда не бывал ни один белый волшебник. Никто не знал, что там.

От размышлений его отвлек стук в дверь. Седовласый волшебник в белой мантии вошел в комнату.

– В замок прибыл мальчишка из Половрика.

– Отлично, – довольно произнес Ганимед.

– Скажите, зачем он вам?

– Этот молодой сапожник видит сны про черных волшебников, – ответил Ганимед.

Колдун продолжал выжидающе смотреть на Ганимеда, и тот сказал:

– Он назвал всех сильных черных магов по именам. И описал их облики.

– Это странно, – произнес чародей в белой мантии, – откуда он может знать это?

– Я чувствую, здесь что-то особенное, – сказал задумчиво Ганимед.

Несколько дней назад Клерви разыскал дом белого волшебника Дамира, жившего в Половрике. Дамир сначала серьезно его не воспринял, но все же поделился рассказом сапожника с сильными волшебниками своего ордена. Так информация дошла до Ганимеда, который захотел видеть Клерви лично. Чем был вызван интерес Ганимеда, никто не мог понять – только он сам знал, что предчувствие его не обманет. Клерви был и испуган и обрадован. Через несколько дней после его визита к Дамиру его нашел в сапожной мастерской ученик чародея и попросил незамедлительно явиться к нему. Дамир провел Клерви вглубь своего дома, в комнату, просторную и светлую, несмотря на то, что в ней не было окон. Комнату, в которой не было мебели, ни даже единственной табуретки, а пол был украшен ярким мозаичным рисунком. Присмотревшись, Клерви различил среди причудливых узоров большой, во весь пол цветок. Маг приказал Клерви встать на середину цветочной мозаики, а сам открыл книгу в золотом переплете.

Клерви не понимал совершенно, что происходит, и немного нервничал. Дамир прокашлялся и начал монотонно читать длинное заклинание, размахивая своей волшебной палочкой. Узоры, слагавшие рисунок на полу, засветились золотистыми красками, а воздух в комнате пришел в движение. Клерви почувствовал, как его ноги отрываются от пола комнаты. Все перед ним поплыло, очертания комнаты растворились. Клерви подхватил воздушный поток и куда-то понес; вокруг мелькали размытые краски, огоньки. Приятный ветерок ласкал лицо, трепал волосы. Но продолжалось все это недолго. Вот уже разноцветные огоньки потускнели, потом совсем погасли, ветерок стих. Клерви почувствовал под ногами опору. Не удержав равновесия, он упал на что-то холодное и твердое. Поднявшись, он осмотрелся – он был в большом зале, совсем не похожем на комнату в доме волшебника Дамира. Ввысь взмывали высокие и стройные ионические колонны с каннелюрами. Мощные своды зала тонули в сумраке наверху, а стены украшали резные барельефы, под которыми виднелись древние руны. По всем стенам горели многочисленные свечи. На полу была такая же мозаика, изображавшая огромный цветок, как и в комнате Дамира, только намного больше. – Какая красота! – вырвался у Клерви невольный восхищенный возглас. Он никогда не бывал в таких роскошных залах.

– Добро пожаловать в Ризенгрос, Клерви, – раздался мягкий голос за спиной юноши.

Он повернулся и увидел высокого седого волшебника. Длинные серебряные волосы и борода струились вдоль белой мантии. Клерви чувствовал необыкновенную силу, исходящую от мага – прежде он никогда такого не чувствовал. Взгляд его добрых лучистых голубых глаз был направлен на него.

– Меня зовут Ганимед, я верховный маг Ордена Единорога. Я полагаю, ты уже слышал об орденах магии, Клерви.

Клерви чувствовал себя неловко и робко перед таким сильным магом, и язык опережал его мысли; он вдруг спросил:

– Я в Ризенгросе? Ганимед тепло улыбнулся и ответил:

– Да, ты в Ризенгросе. Это магия. Цветки телепортации, вот видишь, – волшебник указал на разноцветный цветочный узор на полу зала, – такой же цветок был в комнате, из которой

ты переместился. С помощью этих цветков можно попасть из одного места Срединных Землей в другое, из одного города в другой, независимо от расстояния между ними. Эти мозаики сложены из древнего магического камня, какой уже не найти в мире, и закреплены множеством сильных заклятий. Видишь ли, между ними есть магическая связь, они заколдованы. В восьми городах Срединных Землей есть такие цветки. Белые волшебники пользуются ими уже очень давно.

Клерви внимательно рассматривал цветочную мозаику, а Ганимед продолжал:

– Я попросил тебя прибыть сюда, потому что хочу поговорить с тобой. О твоих снах. О твоих видениях. О том, что ты видел в заброшенном монастыре. Ты не должен ничего бояться, здесь ты в полной безопасности, Клерви. Я твой друг.

Клерви посмотрел на старого волшебника – он был готов полностью ему довериться.

– Это замок Совета старейшин, – при этих словах у Клерви восторженно подпрыгнуло сердце, ничего себе, куда его занесло! – я хочу, чтобы некоторое время ты погостил здесь. Пойдем, я провожу тебя в покои, где ты сможешь отдохнуть и восстановить силы.

Клерви слышал о Совете старейшин в Ризенгросе – это были самые могущественные волшебники во всем мире. Они управляли всеми Срединными Землями, кроме тех краев, которые принадлежали крестonosцам, отвергавшим магию, – Северному и Южному королевствам – а также земель, принадлежавших иным народам, не людям, – таким, как королевства эльфов и земли варваров.

Клерви был в полном восторге, что попал в такое важное место и что он привлек внимание сильных мира сего. Однако он и сильно нервничал и чувствовал досаду, что не поговорил перед отъездом с Лори. Ганимед вел Клерви сначала по темным коридорам, на полах которых лежали разноцветные ковры, а на стенах висели портреты разных чародеев. Молодому человеку казалось, что блуждание по лабиринтам коридоров никогда не закончится. Конечно, он не запомнил дорогу, ведь коридоров было так много, и все они ветвились, пересекались, и были такими похожими, почти не отличимыми. Потом они поднялись по широкой мраморной лестнице на два этажа. Потолок лестничного холла был красиво расписан, и Клерви чуть голову не свернул, рассматривая его. На втором этаже они прошли еще один коридор, и наконец остановились у двери. Ганимед ключом отпер дверь и отдал затем ключ Клерви.

– Отдохни, Клерви, – сказал добрый волшебник, – я приду к тебе позже.

Клерви поблагодарил мага, вошел в комнату и запер дверь на замок. Гостиная комната была отделана в нежно-голубых тонах. У стены стояла широкая кровать со светло-синим пологом, напротив нее – высокий шкаф из светлого дерева с зеркалом во весь рост. На столе рядом с окном стояла ваза со свежими белыми цветами. Клерви подошел к столу, вдохнул цветочный аромат, глядя в окно. Он увидел небо, все затянутое тучам, Светлый приток реки Кейталы, крыши деревянных, кирпичных и каменных домов, подступавших к берегу. По реке сновали лодки, набережные Светлого притока у места слияния с Темным притоком были одеты в камень. Вдалеке в тумане виднелись мачты – это был порт.

Клерви стало интересно, и он, открыв окно, высунул голову наружу, чтобы увидеть больше. Размеры столицы Срединных Землей поражали его. Дома были настолько разными, будто никто и вовсе не следил, кто и что здесь строит. Везде была эклектика. Замок Совета стоял прямо на набережной, и внизу, у основания замка, бурлили волны. С левой стороны, в отдалении, над черепичными крышами высился огромный роскошный дворец – должно быть, это был дворец самого короля Ризенгроса, который имел статус сюзерена для своих вассалов – всех знатных дворян и феодалов Срединных Землей. Естественно, само понятие «король» в Ризенгросе больше означало положение в обществе людей, а не реальную власть.

Вдруг в дверь постучали, и Клерви пошел открывать дверь. В комнату вбежал карлик с подносом на руках.

– Ваша трапеза, – проговорил карлик, кладя поднос на столик.

Затем он взял с подноса кувшин с горячей водой и наполнил им тазик, стоявший на табурете. Рядом он положил белое полотенце и мыло.

– Спасибо, – только и сумел вымолвить Клерви, прежде чем карлик исчез за дверью.

Клерви был изумлен таким щедрым и добрым отношением. Недолго думая, он принялся за еду. Еда была прекрасной – свежий салат, жареное мясо, ароматный хлеб, будто только что из печи. В графине было красное вино, такое вкусное, какого Клерви никогда еще в своей жизни не пробовал. От вина у него немного затуманился разум, и его начало клонить ко сну. Помывшись, он присел на кровать, твердо уверенный, что не позволит себе здесь уснуть. Но не тут то было – через пару минут он уже забылся сном.

Когда Клерви проснулся, он увидел, что белый волшебник Ганимед сидит напротив него в кресле и внимательно изучает его. Клерви тут же вскочил, неловко задев полог кровати.

– Прости, Клерви, что напугал тебя, – извинился маг, – мне не хотелось будить тебя.

– Эмм... П-Простите меня... Я... Я немного вздремнул, – заикаясь, выдавил молодой человек.

– Это хорошо, – улыбнулся Ганимед, – я рад, что ты отдохнул. Все-таки путешествия с помощью магии тебе в новинку. Сон необходим тебе.

В то время, когда прибывший гость отдыхал, Ганимед осмысливал свое впечатление от молодого человека. Он почувствовал в своем сознании, сознании сильного волшебника, что Клерви не простой человек. И Клерви ему понравился – он понял, что он добр, смел и честен.

– Кто были твои родители, Клерви? – спросил Ганимед, не сводя проницательных глаз с молодого человека.

– Я... Я не знаю, – смущенно ответил Клерви. Потом, будто спохватившись, вытащил из-под сорочки медальон и открыл его: – вот, это моя мать, – он показал портрет женщины в раскрытом медальоне магу.

Ганимед внимательно посмотрел на портрет. Он пытался мысленно проникнуть в прошлое, увидеть эту женщину и ее жизнь.

– Я вырос в приюте в Половрике, – словно в оправдание, сказал Клерви.

– Хорошо, хорошо, – промолвил Ганимед, пребывая в глубокой задумчивости.

Клерви сидел на кровати напротив мага, сложив руки на коленях.

– Как давно ты стал видеть странные сны? – через некоторое время спросил он.

– Я не знаю... Я думаю, я всегда их видел, – ответил Клерви, – в детстве они были нечеткие и непонятные... А потом эти сны стали приходить ко мне внезапно – я засыпал днем или утром или в любое другое время суток и видел самые странные вещи во снах... Они бывали короткими или длинными – целые истории...

– И про что были твои сны?

– Иногда мелочи, иногда кошмары, – Клерви перестал смущаться, сконцентрировавшись на воспоминаниях, – порой я видел во сне, как мне стоит справиться с новой свалившейся на меня сапожной работой, которая казалась мне невыполнимой. Мой учитель, мастер, всегда оставался доволен после этого мной, хотя не верил, что я справлюсь. Иногда мне снились орки. И после таких снов я часто слышал об их вылазках на села и дороги... Я видел разных существ в свои снах, и некоторых я даже не знаю. Иногда я вижу сны про войну – но это как будто и не первая и не вторая война... И непонятно, между кем идет война и кто сражается. Порой я вижу то, что случается со мной позже. Часто я вижу волшебников – особенно черных, и это меня пугает. А однажды, когда мне было лет десять, мне приснилась очень красивая богиня. Она бежала в моем сне прямо по поверхности воды, и она несла за собой огонь. Она летала по воздуху, так легко, словно птица. Ее я видел недавно в заброшенном монастыре рядом с Половриком...

– Ты не придавал значения своим снам? – Ганимед смотрел в глаза Клерви, и тот чувствовал, как волшебник проникает в его сознание, в самую его душу.

– Я всегда обращал внимание на то, что мне снится. Большею частью по ночам я вижу обыкновенные сны, но иногда – особенные. Они на сны не похожи. Это больше похоже на то, будто я перехожу в другой мир. Или становлюсь кем-то другим или переносюсь во времени. Все, что я вижу, как будто на самом деле происходит... Понимаете?

Ганимед кивнул, не сводя голубых глаз с Клерви. Он изучал его всего, его физическое тело, его внутренний мир, его память, его жизнь, его прошлое и настоящее, его чувства и мысли.

– Иногда мне приснится что-нибудь, хуже всего, если во время работы – я будто теряю сознание – и потом я целыми днями думаю об этом, не могу отделаться от мыслей. Душу так и гложет, хочется рассказать об этом, предупредить, уберечь от нападения орков или еще чего-то... Но когда я пытался это сделать – меня не слушали, меня готовы были признать душевнобольным. Монахи в приюте говорили, что я могу быть одержим дьяволом, – Клерви передернул плечами от воспоминаний, – они пытались изгнать из меня злой дух, окунали в холодную воду, читали надо мной часами молитвы, оставляли без еды и не давали мне ни с кем общаться. Я боялся своих снов, и я правда начинал иногда верить, что могу быть одержим дьяволом – ведь я даже видел его во снах... черные волшебники называют его Хозяином...

Клерви замолчал ненадолго, повесив голову, потом продолжал:

– Мне было страшно об этом кому-либо говорить. Кто бы мог меня понять? Я боялся, что когда-нибудь мой учитель в мастерской увидит, как я забываюсь сном, и сочтет, что я нездоров. И тогда я могу снова оказаться на улице, без денег, без всего. В последнее время я стал часто видеть сны про черных колдунов. И я решил рассказать об этом белым волшебникам.

– Ты все правильно сделал, – отстраненным голосом произнес Ганимед. Он продолжал пристально смотреть на Клерви. Молодой человек буквально физически чувствовал проникновение мага в свое сознание, в свою голову и сердце.

– Тебе никто не говорил, что ты необыкновенный мальчик? – Клерви стало немного забавно, что его называли мальчиком. Какой уж он мальчик.

Ганимед улыбнулся словно в ответ на его мысли. Пару минут висело молчание, и Клерви вдруг начал чувствовать сильное эмоциональное утомление.

– Клерви, – мягко произнес Ганимед, – ты и вправду не простой человек. У тебя есть дар ясновидения. Это встречается очень и очень редко.

Клерви поднял на Ганимеда изумленное лицо.

– Да я в это не верю, – вырвалось у него.

– А как же ты сам тогда объясняешь свои странные сны и видения?

– Я... я не знаю, – недоверие отразилось на лице Клерви, – Это что-то другое. Я просто впечатлительный... У меня богатое воображение. Я сильно переживаю все...

Ганимед рассмеялся добрым, заразительным смехом. Клерви тоже стало почему то смешно, и он наконец улыбнулся.

– И ты решил поделиться своими фантазиями с верховным магом Ордена Единорога, – все еще посмеиваясь, сказал Ганимед, – действительно, фокусников, шарлатанов и обманщиков сейчас очень много. Так много, что люди перестали верить. И настоящие предсказатели стали теряться. Но они все же есть, поверь мне. Только с их помощью волшебники узнают, что готовится свершиться и что будет. Это позволяет иногда менять будущее – поэтому предсказатели так ценны. У черных магов есть свои предсказатели, у нас – свои. Появление новых сильных волшебников всегда предсказывались. Ты видел появление новой волшебницы – за несколько лет до ее появления. Эта волшебница родилась в Северном океане. Кроме тебя, ее появление предвидел я – я прочитал это по звездам. Если бы черные маги нашли бы тебя раньше, ты бы предсказывал им ее появление.

– А если бы я не захотел служить черным магам? – спросил Клерви; сама мысль об этом вызывала в нем негодование и протест.

Ганимед ничего не ответил, только тяжело вздохнул и отвел взгляд. Спустя минуту он сказал:

– Твой дар очень ценен, Клерви. Но только ты имеешь право решать, как им распоряжаться. Я белый маг и служу добру, и никогда на твою волю и мысли не окажу влияния, чтобы склонить тебя к чему-то... Теперь, когда мы нашли тебя в северном городе Половрике, я могу обещать тебе, что мы защитим тебя.

Клерви посмотрел на мага – он был благодарен ему. Рядом с Ганимедом юноша ощущал тепло и спокойствие.

– Ты не устал, Клерви? Ты не хочешь есть или пить?

– Нет, я совсем не устал. От стакана воды не отказался бы...

Волшебник взмахом руки наполнил пустой стакан водой, и Клерви с восхищением и удивлением уставился на него. Он не сразу решился отпить из стакана. Ганимед, увидев его замешательство, улыбнулся и подбодрил его:

– Пей, не бойся, мой друг.

Затем он подпер рукой подбородок, и, глядя на Клерви, спросил:

– Ты уверен, что слышал в разговоре черных волшебников в монастыре о проклятье Аримана?

Молодой человек слегка поперхнулся водой.

– Да, – ответил он, – об этом начала говорить колдунья, которую все остальные боялись. Это проклятье обсуждали черные волшебники на своем сборище, в моем сне.

Ганимед глубоко задумался и на время словно забыл о молодом предсказателе.

– Это... плохо, да? – неуверенно спросил Клерви, – что значит это проклятье Аримана?

Старый волшебник снова сфокусировал свой взгляд на Клерви.

– Я еще сам всего не знаю, – Ганимед сложил руки вместе, – в последнее время я стал наблюдать странные знаки на звездном небе. Загадочные послания стали приходиться с разных концов земли. Нам нужно больше знаний. В годы войны библиотека Совета сильно пострадала. Многие книги, опасные, содержащие тайные знания черной магии, мы увезли в эльфийские земли, подальше от тех, кто мог бы воспользоваться ими. Я думаю, нам нужно будет отправиться в Эльдар. Я хотел бы, чтобы ты отправился вместе с нами.

Клерви ошеломленно уставился на мага. Он не верил своим ушам – его пригласили в знаменитый эльфийский город. Когда у него еще будет шанс побывать там?

* * *

Каурантина опустила за землю перед древним каменным замком. Был вечер, солнце заходило за Зловещие горы. Высоко в небе обозначился бледный диск луны. Она вдохнула морозного воздуха и сосредоточилась – на замок были наложены сильные защитные чары. К замку вела широкая дорога с притоптанной землей, обрамленная голыми деревьями. В парке перед замком виднелись то тут, то там замерзшие фонтаны с каменными статуями, изображавшими горгулий. Каурантина медленно зашагала к воротам. Когда она приблизилась, ворота широко распахнулись сами собой. Она поднялась по каменным ступеням и вошла в ворота.

Она оказалась во внутреннем дворе, от середины которого взмывала вверх на второй этаж замка широкая лестница. Она стала подниматься по лестнице; она знала, куда идти. С галереи, обрамлявшей двор по периметру, за ней следила пара глаз. Это был человек из прислуги, ключник. Каура поняла, что старый человек чувствует перед ней скорее почтение, чем страх. Было бы странно, если в таком месте служил человек, испытывавший ужас перед черными колдунами.

Поднявшись, Каура оказалась у начала огромного, длиной чуть не в как целую улицу, зала, в котором два ряда колонн по правую и левую руку подпирали причудливо расписан-

ный потолок. Волшебница медленно направилась к противоположному концу зала. Она чувствовала присутствие в замке только одного волшебника; были еще люди, вероятно, прислуга, на первом этаже замка, в правом флигеле и примыкавшем к нему саду.

Зал вывел ее через огромные дубовые двери в следующий зал, округлой формы. Двери этого зала на противоположной стороне были открыты настежь, и Каура вышла на большую террасу, с которой открывался вид на долину, вдалеке которой виднелись поселения людей, и примыкавший к ней Эраланский лес, густые кроны которого с такой высоты казались похожими на зеленоватый мох. У перил стоял, задумчиво устремив взор на горизонт, Хозяин. Каура поклонилась Хозяину.

– Вы хотели видеть меня, Хозяин.

Хозяин не оборачивался и не шевелился.

– Для тебя есть новое дело, – сказал он мрачным, холодным голосом, – Ты отправишься в Северное христианское королевство, войдешь в доверие к королю. Подчинишь его своей воле и убедишь выступить за нашу сторону.

Каура снова поклонилась, соглашаясь выполнить волю Хозяина. Верховный маг Ордена Тьмы повернулся и посмотрел на нее черными провалами глаз.

– Тебе стоит заняться этим немедленно.

Глава 3

Несколько дней Клерви гостил в замке Совета. Ганимед познакомил его с Никанором, воином-скальдом, который должен был сопровождать их в эльфийский город. Клерви видел раньше скальдов, но никогда – так близко, и никогда прежде не вступал с ними в разговор. Этот народ людей отличается от простых смертных врожденными способностями – острым зрением, чутким слухом, отличной ловкостью, физической силой и выносливостью. Жизнь их более продолжительна, чем у простых людей. Кроме того, Клерви слышал, что некоторые особо одаренные среди них умеют гипнотизировать людей и передвигать взглядом легкие вещи. Скальды были лучшими воинами Срединных Землей. У них был свой орден – орден воинов-скальдов, замок которого располагался на Южном море. Клерви не знал, передавались ли эти способности по наследству, и мог бы в простой семье людей родиться скальд, но он знал точно, что скальды сами выбирали, кому служить и могли выбирать и белых, и черных волшебников, а могли быть сами по себе или наниматься людьми.

Никанор был высок и крепкого телосложения. Он всегда одевался в привычную для воинов-скальдов одежду: коричневый кожаный жилет, высокие сапоги, узкие штаны и темная рубаха. Он объяснил Клерви, что цвет жилета скальда говорит о его уровне владения боевым искусством: черный жилет означает наивысшую степень владения искусством боя, какую достигают с годами опыта в уже почтенном возрасте; серый жилет из ткани носят ученики, а коричневый – все остальные. Клерви гадал, сколько лет могло быть Никанору – скорее всего, он был ненамного старше Клерви. У скальда были голубые глаза и светло-русые, слегка завивающиеся волосы; через его плечо с свисала тонкая косичка длиной до лопаток – для скальдов была традиционной такая прическа, когда на затылке оставляют не стриженной одну тонкую прядь и заплетают ее в косу, и при этом чем длиннее эта косичка, тем опытнее и, считалось, сильнее воин-скальд.

Клерви и Никанор сдружились, и, хотя скальд почти ничего про себя не рассказывал, им было легко и интересно друг с другом, словно старым друзьям. Дни в Ризенгросе в замке Совета они проводили почти все время вместе. Никанор дал пару уроков по боевым искусствам Клерви. Он обучил его азам владения мечом. Ганимед подарил Клерви небольшой бронзовый меч, рукоятка которого была украшена драгоценными камнями, а на клинке высечены слова на светлом наречии. Клерви чувствовал, что в его жизни начинаются перемены. Он начинал чувствовать себя по-другому.

Один раз он вместе с Никанором выбрался на городской базар. Ризенгрос пугал и поражал его своим многолюдьем, бешеным темпом жизни, огромными размерами; его рынки и базары – разнообразием товара, дворцы – роскошью, дома – замысловатой архитектурой. Казалось, здесь было все. Многое Клерви видел впервые. Здесь было намного теплее, чем в его родном Половрике, но это не нравилось Клерви, привыкшему к северному климату. И люди здесь совсем другие, думал Клерви. Он смотрел на обувь, которую они носили, – и думал, как можно сделать такую. Здесь у людей были совсем другие вкусы, да и вообще другая жизнь. Вспомнив свое ремесло, он вдруг спохватился и о том, что он теперь не просто сапожник. Что у него есть дар предсказателя. Он впервые задумался над этим, гуляя среди торговых лавок. Он не мог понять, какие чувства вызывал в нем этот факт. Что это значило для него, и как теперь изменится – или не изменится? – его жизнь.

Он написал письмо Лори, пропитанное его искренним чувством, и заплатил торговцу, направлявшемуся в Половрик, чтобы тот передал его девушке. Клерви не знал, что письму будет не суждено попасть в руки Лори.

В один день карлик, бывший одним из многочисленной прислуги в замке, – его звали Тор, как потом узнал Клерви, – постучал к Клерви и предупредил, что нынче вечером он отправится

в путь. Клерви взволновался и принялся судорожно собирать вещи. Хотя Клерви отпирался, Ганимед дал ему пару золотых, и молодой человек купил все необходимое ему для путешествия. Ему было приятно одеть новую коричневую куртку, плащ-накидку на металлической застежке и новенькие блестящие дорожные сапоги. Впервые в жизни он пристегнул к поясу меч. Собранный, он уселся на кровать и принялся ждать, оперев подборок на сжатые в кулаки руки.

Вечером к нему зашел Тор и проводил его в зал, в который он впервые попал прямо из Половрика. Клерви казалось, что тогда он был другим человеком. На полу была все та же яркая мозаика, изображавшая цветок. Чуть позже в зал вошли одетые в дорожные плащи Никанор, Ганимед и еще один волшебник, облаченный в белоснежную мантию, ниспадавшую до пола широкими складками. Ганимед сразу же представил Клерви мага – это был Энрид, верховный маг Ордена Света, единственный маг высшего уровня в своем ордене. Клерви заметил, что, не смотря на возраст, ярко-голубые глаза старца были удивительно ясными и лучистыми. У него были длинные белые волосы и борода, как у Ганимеда – только еще длиннее и еще белее. Он весь словно светился. Клерви зачарованно разглядывал его, удивляясь про себя, как можно носить такие белоснежные вещи, и умудряться не запачкать ни миллиметра ткани. Энрид держался с достоинством, лицо его выражало глубокую мудрость и спокойствие. Взгляд его был внимательным и проницательным, и вместе с тем очень спокойным. Казалось, от его ума ничто не может ускользнуть. Клерви чувствовал, будто от Энрида исходило ошущимое тепло, и в зале от его появления стало светлее. Он дивился этому сильному белому волшебнику. Ему было страшно представить, сколько лет он живет на свете. Перед величием волшебника Клерви чувствовал себя ничтожным и робел. – Рад познакомиться с тобой, Клерви из Половрика, – медленно, благозвучно сказал Энрид. Его голос был тоже очень спокойным, негромким, но четким и понятным.

Клерви словно вышел из оцепенения и поклонился магу. Тот улыбнулся и сказал:

– Это лишнее, не стоит.

– Я думаю, пора отправляться в путь, – проговорил Ганимед. Он прошел в центр зала, на середину цветочного узора мозаики. Никанор, Энрид и Клерви последовали за ним. Клерви понял, что они будут пользоваться снова магическими цветками для телепортации. Никанор, заметив, что Клерви разглядывает узор на полу, шепнул, что с помощью волшебных мозаичных цветков они попадут в город Элинодор, в восточном крае Срединных Землей, а оттуда уже отправятся в Эльдар. В Эльдаре не было таких мозаик из волшебного камня. В этот раз волшебники не читали никаких заклинаний – они были сильными магами, и в этом не нуждались. Зал наполнился золотистым туманом, и все поплыло перед глазами Клерви. Вокруг мелькали нечеткие очертания каких-то огромных фигур, огни, клочья пестрого дыма проносились мимо. Рядом с собой Клерви еле различал смутную, словно расплывшуюся фигуру Никанора с развевающимся по ветру плащом и длинным мечом в ножнах, пристегнутом к поясу. Где-то далеко справа виднелись две белые призрачные тени – это были Ганимед и Энрид; Клерви видел волшебников будто сквозь плотную завесу тумана, наполненного мерцающими звездами и огнями, огненными брызгами и искрами. Прошло некоторое время, Клерви не знал, сколько именно, и все вокруг стало потухать, туман рассеиваться, движение замедляться. Его ноги почувствовали твердую землю под ногами. На этот раз он не упал, приземлившись на пол. Неожиданный порыв холодного ветра взъерошил волосы. Клерви поднял голову и огляделся по сторонам: вместе с Ганимедом, Энридом и Никанором он переместился в открытую летнюю беседку круглой формы, по периметру которой стояли колонны, подпиравшие каменный потолок.

На улице было темно. Дул сильный ветер, и Клерви, чувствуя что-то не то, приблизился к колоннам – сразу же он понял, что оказался не в беседке, а на площадке высокой башни. В темноте внизу ничего не было видно. Моросил дождь; Клерви чувствовал мелкие холодные

капельки, приносимые порывами ветра. Пол был украшен цветочной мозаикой, такой же как в Ризенгросе, но меньше и более блеклой, насколько можно было рассмотреть в темноте.

Внезапно до слуха путников донеслись шаги по лестнице, и через секунду открылся деревянный люк в полу, и пространство осветил огонь факела. Из проема в полу, за пределами волшебной цветочной мозаики, вышла женщина в скромном светлом платье, поверх которого был накинут белый плащ.

– Как же я рада вас видеть, – с этими словами она обняла поочередно Энрида и Ганимеда.

– Иоланта, это ясновидящий Клерви из Половрика, и Никанор, воин-скальд, – представил Ганимед девушке своих путников, – мои друзья, позвольте вам представить волшебницу моего ордена, мою ученицу Иоланту.

Клерви с интересом оглядел белую волшебницу. Видимо, она была волшебницей высшего ранга, раз была ученицей Ганимеда. У нее были распущенные завивающиеся каштановые волосы, синие глаза, коричневые веснушки на скулах, женственная фигура. Сложно было сказать, сколько ей лет. Выглядела она очень мило и весьма привлекательно. Клерви не знал, что ее бабушка была эльфом – однако в ее внешности не было ничего, что напоминало бы об эльфийской расе, кроме разве что высокого роста. Иоланта обвела Клерви и Никанора внимательным взглядом, задержавшись на глазах Клерви. Ей было интересно, и она хотела узнать молодого предсказателя. Но Клерви не выдержал ее прямого взгляда и отвел глаза. Она слегка улыбнулась и жестом увлекла путников за собой на винтовую лестницу.

Факелы горели на стенах мягким оранжевым светом, и от них на каменный пол ложились длинные тени. Они так долго спускались по лестнице, закрученной по спирали, что у Клерви закружилась голова. Наконец они вышли в широкий коридор, по стенам которого тоже горели факелы. На полу лежала ковровая дорожка. У Клерви не было сомнений, что они оказались в замке.

– Я приказала подготовить вам покои, чтобы вы могли отдохнуть перед путешествием, – звонким голосом говорила Иоланта, – однако я думала, вас будет двое, Ганимед.

Клерви чувствовал непонятную слабость – возможно, после перенесенных волшебных чар – и плелся сзади всех. Никанор часто оглядывался на него, поджидал, когда тот начинал запаздывать.

– Клерви... – начал скальд, и Клерви поднял на него взгляд, – все хотел спросить. Что у тебя за медальон висит на шее?

– Это медальон моей матери, – ответил Клерви, – там внутри ее портрет, – и он открыл медальон и показал изображение молодой женщины Никанору.

– А что с ней стало?

– Я не знаю. Я вырос в приюте.

Никанор молча посмотрел в лицо Клерви.

– Ммм... Понятно. Прости.

– Ничего... А кто твои родители?

Никанор ответил не сразу, он немного замялся.

– Я не знаю. Я все жизнь прожил в замке моего ордена на берегу Южного моря. Мне никто никогда не говорил, кем были мои родители.

– И ты никогда не интересовался?

– Я много думал об этом, – со вздохом ответил Никанор, – но мои наставники сказали мне забыть об этом. Так как это неважно.

– Не важно!?! – Клерви был поражен.

– Для воина-скальда не важно. Для воина-скальда важно быть сильным, смелым и храбрым. Умелым и бесстрашным. Важно овладеть в совершенстве боевым искусством. Быть верным своему ордену и тому, кому ты служишь. Настоящий воин не должен позволять своим чувствам овладевать разумом. Чувства лишают нас воли и силы.

Молодые люди немного отстали от остальных. Клерви слышал голоса волшебников – они обсуждали свои важные дела. Впереди забрезжил яркий желтоватый свет, и вскоре они вышли в просторный каменный зал, освещенный многочисленными свечами, установленными на невысоких столбиках, и пламенем огромного камина. – Дверь справа, – сказала Иоланта, – ведет в крытую галерею, в конце которой будут две двери, ведущие в ваши покои. Я распорядюсь, чтобы вам подали ужин.

– Спасибо, мой друг, – Ганимед тепло улыбнулся Иоланте.

– Благодарю, красавица, но я предпочту сегодня не принимать пищи, – сказал Энрид, – а вот наших молодчиков лучше накормить как следует, – он бросил теплый взгляд на Никанора и Клерви, – впереди нелегкий путь.

Гостям выделили две уютные небольшие комнаты на первом этаже замка. Ганимед и Энрид остановились в просторной комнате с камином, а Никанор с Клерви обосновались в маленькой спальне с единственным окном, выходившим во двор. После ужина Клерви стало клонить ко сну, и, наскоро помывшись, он улегся спать. Едва коснувшись подушки, желтой в свете свечи, он забылся глубоким сном, а Никанор долго еще не мог уснуть, ворочался в постели, то и дело вставал и подходил к окну. В ночном мраке за окном было ничего не разобрать, но зоркие глаза скальда могли уловить еле заметное движение на темном небе. Не было луны, не было звезд, небо было черно, как смоль, но что-то еще более темное, зловещее, похожее на клочья черных туч Тьмы, несло по небу. Среди тишины Никанор уловил чуть слышимый шелест крыльев, свист ветра в перьях. Сотни черных воронов, слуг черных волшебников, летели на запад. Они летели быстро и бесшумно, закрывая ночное небо черными крыльями, вселяя в людей страх и в волшебников мрачное предчувствие. Это показалось Никанору плохим предзнаменованием.

На следующее утро Клерви разбудил Ганимед. Рассвет только занимался, и в покоях гостей было еще сумрачно. На столе в зале с камином, где вчера они расстались с Иолантой, Клерви нашел завтрак. Старые волшебники сидели у камина и раскуривали трубки, каждый думая о своем и изредка перебрасываясь репликами. Никанор куда-то запропастился. Быстро перекусив, Клерви вернулся к спальню, где слуги уже навели порядок, и умылся холодной водой. Он стал перебирать свои вещи. Через некоторое время он заметил, что стало уже совсем светло, и подошел к окну. Двор каменного замка был пуст и безлюден. Густой туман навис над землей, и сквозь его пелену вдаль было ничего не видно. Погода была пасмурной и безветренной; несмотря на холодное время года, день обещал быть теплым. Клерви распахнул окно, и в лицо ему ударил прохладный, сырой воздух. Он шумно втянул воздух в нос и слегка закашлял; при выдохе изо рта повалили пар. – Эй, Клерви! – внезапно раздался звонкий голос из тумана. Послышались быстрые шаги, и через секунду перед окном показался Никанор. Щеки его порозовели, глаза весело блестели.

– Доброе утро! – обратился он к Клерви, – Как выспался?

– Отлично, – слукавил Клерви; ему еще очень хотелось спать, – А что ты здесь делаешь?

– Ганимед попросил отвести коней на башню, с которой мы отправимся, – ответил скальд, – Только что спустился оттуда. Какие кони! Сильные, резвые! Еле с ними управился. На таких, я думаю, мы до Эльдара за несколько дней доберемся.

– Мы поедем на лошадях? Зачем тогда их отводить на башню? – Мы полетим на лошадях, – объяснил Никанор, – Это не обыкновенные лошади, а с крыльями. Никогда не видел таких?

– Никогда, – признался Клерви.

– Ну, неудивительно. Это очень редкая порода. И только волшебники могут оседлать их, потому что больше они никому этого не позволяют. Ну, может, эльфам еще. – Как же мы с тобой полетим на них?

– Думаю, Ганимед все предусмотрел, – сказал Никанор. – А как же, Ганимед все предусмотрел – раздался голос позади. Клерви обернулся и увидел в дверном проеме Ганимеда, одетого в серый дорожный плащ. Он улыбался своей теплой, дружелюбной и спокойной улыбкой.

– Друзья моя, готовы отправиться в путь? – спросил он у Клерви и Никанора, перелезшего через окно в комнату. – О да, – весело ответил Никанор.

Клерви кивнул. Потом он взял со стула свой дорожный плащ, накинул его на плечи, взвалили сумку на спину и окинул комнату и двор прощальным взглядом. Он подумал, что больше он сюда скорее всего никогда не вернется. Они вышли из гостевых покоев, прошли застекленную галерею, темный коридор, по бокам которого стояли железные рыцари в доспехах, пересекли мощный двор с фонтаном в центре и оказались у ворот в башню. Верхушка башни терялась высоко наверху в тумане. Здесь их ожидали Иоланта и Энрид. Энрид тоже накинул поверх своей белоснежной мантии дорожный плащ синего цвета. Иоланта улыбнулась молодым людям и осведомилась, как они спали, и понравилась ли им еда. Оба они смутились и ответили не совсем внятно, что позабавило старых волшебников. Клерви робел перед сильной волшебницей, как и перед всякими сильными мира сего, а Никанор, очевидно, просто не умел общаться с женщинами.

Все вместе они поднялись на самую верхнюю площадку башни, где стояли, привязанные, четыре огромных крылатых коня. Они были в несколько раз крупнее обычных лошадей. Клерви очень понравились эти стройные и одновременно мощные кони с золотистой шерстью и белыми волнистыми гривой и хвостом. По бокам у них были такие же огромные, как и они сами, одетые в белоснежное оперение крылья. Кони смотрели на пришедших спокойными, умными глазами, но не могли устоять спокойно на одном месте: постоянно переступая с ноги на ногу и постукивая копытами, они раскрывали крылья и пытались взлететь. Башня была высокой, и со всех сторон ее обступало море густого тумана, из которого в некоторых местах торчали башни, шпили и крыши готических строений замка. Далеко-далеко на севере виднелась желтая полоса солнечного света.

Иоланта подошла к коням и ласково погладила каждого по голове, прошептав каждому что-то на ухо. В ответ они громко заржали и стукнули по каменному полу площадки копытами. Энрид первый вскочил на коня, который, почувствовав на себе седока, взвился на дыбы, расправил крылья и взлетел бы, если бы не был привязан. Энрид похлопал коня и жизнерадостно рассмеялся. Ганимед обернулся к Никанору и Клерви, чтобы объяснить, что им нечего бояться коней – Ганимед будет контролировать их... До Клерви звуки голоса старого мага стали долетать словно издалека. Подул ветер, в разрывах между тучами показалось тусклое солнце, которое на миг ослепило Клерви, обратившего свое лицо к нему. Внезапно все поплыло у него перед глазами, непроницаемый туман окружил его, и все скрылось за его серой пеленой. У Клерви возникло ощущение, что он проваливается куда-то...

...Он оказался в богато и пышно убранном зале, словно для какого-то торжества. Вокруг было множество людей – все они были нарядно и изысканно одеты и благоухали ароматами. У стены, украшенной золотой лепниной, на возвышении, стоял трон, обитый красным бархатом, с золотыми ручкам и ножками. На нем восседал мужчина с седыми висками и аккуратной ухоженной бородой, с золотой короной на голове. В руках он держал тяжелый золотой крест, а с плеч спадал красный парчовый плащ, отороченный горностаем, – несомненно, это был король. Подле него на возвышении сидели его супруга, тоже с короной на голове, с грустным лицом, и совсем юный принц, в дорогом парчовом костюме, обшитом золотыми нитями. Играла музыка, и люди танцевали под нее. Придворные более преклонного возраста держались в стороне, наблюдая за танцующими. Многие взгляды были устремлены на первый ряд танцующих, где Клерви увидел ее – черную волшебницу с совершенной, но такой холодной внешностью. Несомненно, это была она, хотя ее внешность сильно изменилась – фигура потеряла

худобу и стала более мягкой, рост уменьшился, цвет волос и глаз изменились и потускнели, кожа посмуслела и щеки стали ярко румяными. Она танцевала под руку с высоким красивым молодым человеком, одетым дорого и с обручем на голове – наверное, это был наследный принц. Он не сводил с нее блестящих восторженных глаз, а она улыбалась ему совсем человечно и, казалось, искренне и открыто. Клерви поразила эта перемена. Король скучающим взглядом оглядывал зал, периодически прикладывая к губам золотой кубок, и часто, вроде бы нечаянно встречался глазами с ведуньей. Рассеянная улыбка пробежала по его губам в такие моменты, а волшебница при этом будто напрягалась: фигура ее начинала вытягиваться, а в глазах начинали сверкать серебряные искорки – но происходило это за доли секунды и, кажется, никто этого не замечал, кроме Клерви. В танце наряженные люди менялись партнерами, и чародейка начала танцевать с седовласым мужчиной, во фраке, украшенном боевыми наградами. Она смущенно и кротко улыбнулась ему – отчего у Клерви чуть не вырвалась усмешка – а затем повернулась к бывшему своему партнеру по танцу, посмотрела на него словно извиняющимся, зовущим и покорным взглядом. Тот не отрывал от нее горящих глаз, совершенно не смотря, куда ступает в танце, и скоро наступил на пышную юбку своей новой партнерши, от чего та негромко вскрикнула и отпрыгнула от него. Принц отошел в сторону, повесив руки вдоль туловища и весело улыбаясь черной волшебнице. Она ответила ему такой же улыбкой, и молодой человек весь просиял от счастья. Стоя у трона короля, он продолжал ревностно наблюдать за ведьмой, кружащейся в новом быстром танце. Она улыбалась каждому, с кем встречалась взглядом и вся излучала обаяние. Ее новый седовласый партнер, мужественный, широкоплечий, скорее всего, военачальник, тоже восхищенно глядел на нее, не отвлекаясь ни на что другое. Было видно, что она фаворитка и занимает видное место при дворе короля. Музыка стихла, король подавил зевок и встал с трона, и люди в зале все одновременно поклонились ему...

...Клерви окутал мрак и холод. Он не чувствовал своего тела. Ему было страшно. Он соприкоснулся с темным волшебством. Он начал звать Ганимеда.

– Эй, Клерви! Что с тобой? Очнись! – донесся до Клерви голос издалека. – Очнись! Клерви ощутил, как его с силой трясут. Голос над ухом продолжал настойчиво звать его. Он вдруг почувствовал тепло на лбу. Собрав всю силу в кулак, он с трудом открыл глаза и увидел склонившихся над ним Никанора и белых волшебников – Ганимеда, Энрида и Иоланту. Они обеспокоено смотрели на него.

– Теперь все в порядке, – тихо сказал Ганимед, убирая ладонь со лба Касса. Тотчас он почувствовал, как тепло на лбу исчезло; ему стало холодно, и дрожь пробрала его. – Что это было? – встревожено спросил Никанор, – У тебя было видение? Тебе оно не понравилось?

– Не знаю, – ответил Клерви и удивился слабости своего же голоса. Он вспомнил, что опять видел черную волшебницу – и ему снова стало страшно.

– Что ты видел? – тихо спросил Ганимед, помогая ясновидцу сесть. – Я расскажу, – также тихо сказал Касс. Ему требовалось пять минут, чтобы прийти в себя.

Спустя это время, он все поведал белым волшебникам и Никанору. Рассказ заставил всех глубоко задуматься и обеспокоиться.

– Это была Каурантина, – наконец сказал Ганимед, – но что ей надо в Северном королевстве?

– Волшебница на земле крестоносцев? – воскликнул Никанор, – как такое может быть?

– Ведь это очень опасно для нее... – начала Иоланта.

– В чем для сильной волшебницы там может быть опасность, мой друг? – возразил Ганимед, – она приняла облик простой девушки. Только с какой целью...

– А как же обручи, которые сковывают волшебную силу? Ведь они есть у крестоносцев – и это единственное, что защищает их от вторжения на их земли и в их жизнь волшебников, – сказала Иоланта.

Она говорила о магических золотых обручах – единственном оружии против сильных волшебников в Срединных Землях. Если такие обручи удастся одеть на шею и запястья сильного волшебника, то он не сможет применять свою колдовство и станет равным по силе простому человеку. До тех пор, пока обручи не будут сняты – посредством колдовства.

– Моя дорогая Иоланта, это все рассказы и выдумки, – сказал Энрид, обращаясь к белой колдунье, – такие обручи возможно сделать только с помощью волшебных чар. Только волшебники высшего уровня могут сотворить такие обручи. Если ты имеешь ввиду случай на II войне – эти обручи крестоносцы купили за огромные суммы золотых у черных волшебников. Я не знаю, у кого именно, и Хозяин так это и не выяснил – конечно, ведь его сила так велика, что не может исчезнуть от надетых обручей; но, думаю, что скорее всего это волшебники Ордена Змеи.

Никанор думал о том, что волшебницу на христианской земле могут убить – он не знал, как сильна эта волшебница; Клерви по-прежнему чувствовал страх и слабость, а мысли белых магов были полны недоброго предчувствия.

– Нам следует отправиться в путь, – наконец безрадостно сказал Энрид, – Многое указывает на то, что черные маги что-то замышляют. Поэтому нам лучше всего как можно скорее собрать свои силы. В Эльдаре мы найдем помощь, эльфы испокон веков были нашими верными друзьями.

Ганимед, внимательно посмотрев на Клерви, понял его состояние, подошел к коню, к седлу которого была привязана его сумка, и достал маленькую стеклянную бутылочку с розовой жидкостью.

– Выпей, Клерви, тебе станет лучше, – приказал маг Клерви. Молодой человек послушно открыл бутылочку и отпил зелье. Зелье отдавало какими-то эфирными маслами и было довольно горьким на вкус, но уже после первого глотка Клерви почувствовал, как силы возвращаются к нему. Приятное тепло разлилось по всему телу, и он перестал дрожать. Разум прояснился, ушел страх.

Никанор помог Клерви взобраться на высокого и могучего коня. По сторонам далеко внизу у основания башни он мог разглядеть выступающие из рассеивающегося тумана каменные здания готического стиля. Под ним не было седла, не было и уздечки, и он держался только за гриву коня, который не противился новому наезднику. Энрид и Ганимед на прощание обняли Иоланту и поблагодарили за гостеприимство.

– Пообещайте мне, что будете сообщать мне все новости, – попросила белая колдунья, – и пожалуйста, берегите себя.

Энрид и Ганимед с легкостью поднялись в воздух и уселись на спины коней.

Неожиданный порыв ветра ударил в лицо Клерви, взъерошил волосы и заставил зажмуриться. В это мгновение его конь взмахнул огромными крыльями, взлетел в воздух и воспарил над площадкой башни. Снизу донесся голос Иоланты:

– Хорошего пути!...

Волшебница прокричала еще что-то на прощанье, но Клерви уже не расслышал ее; последние прощальные слова растворились в свисте ветра. Развевающаяся на ветру грива коня щекотала ему лицо, крылья задевали колени, навстречу бил прохладный воздух. Клерви открыл глаза, но тут же зажмурился снова – он не любил высоты. Кони поднимались все выше, стремясь поскорее воспарить над облаками.

Путники покидали Элинодор и восточный край людей. Туман почти рассеялся, и внизу были четко видны пригородные поселения и деревни, леса, заснеженные луга, прорезанные неглубокими овражками. На юге виднелись высокие каменные городские стены Элинодора,

за ними – купола и острые шпили готических и романских соборов и замков, красные черепичные крыши городских домов и тряпичные верхушки торговых шатров приезжих купцов возле крепостных стен. По небу неслись облака, скрывая солнце, но иногда случайный луч проскальзывал через их плотный слой и отражался на куполах и шпилях Элинодора. Внизу окрестные деревни возвестил о приходе утра петух, а в городе зазвенели колокола, пробуждая горожан ото сна. Замок Ордена Единорога одинокой темной громадой высился у городских стен, и Клерви диву давался, как быстро они успели отдалиться от него.

Глава 4

Путники прибыли в Эльдар к вечеру четвертого дня путешествия. Весь первый день и ночь они летели без остановок, не давая передохнуть ни минуты сильным коням. Клерви сидел верхом на летящем с огромной скоростью коне, крепко вцепившись в гриву животного и только иногда решаясь открыть глаза. Только когда сумерки сгустились над землей, и мрак ночи поглотил все окрестности внизу, он наконец смело огляделся вокруг. Встречный ветер бил в лицо, по глазам, мешая осматриваться; все звуки тонули в его пронзительном вихре. По правую руку от Клерви летел, чуть отставая, конь Никанора; сзади летел Ганимед, готовый прийти на помощь в любой момент, а Энрид скрылся в темноте далеко впереди. На небе висел диск луны, роняя призрачный свет на кучерявые облака. Мерцали звезды, такие далекие и загадочные.

К утру, когда темнота стала рассеиваться, внизу Клерви увидел огоньки в окнах домов селян. Оттуда доносились слабые голоса, петушинный крик, лай собак и ржание коней. С ночной охоты в деревню возвращались крестьянские охотники, сопровождаемые голодными гончими собаками. Навстречу им шли женщины и дети, ставшие спозаранку, чтобы собрать коровьего молока, перегнать скот на выгон и встретить охотников с добычей. Один охотник протрубил в охотничий рог, и лай встревоженных деревенских собак и визг обрадованных детей пронеслись эхом по всей долине. По долине, на которой располагалась деревня, двигались темные тени всадников, за ними семенили маленькие фигуры усталых собак, с высоты полета кажущиеся букашками. Небо окрасилось в насыщенный синий цвет, звезды потухли, когда охотники и встречавшие их крестьяне вошли в деревню. Вновь послышались приветственные возгласы, хлопанье дверей, крики испуганных животных. Клерви с удивлением заметил, что снега в долине не было. Воздух на высоте полета был довольно холодным, но там, внизу в долине, было тепло – растения только-только теряли яркие летние краски, крестьяне были одеты легко, а из дымоходных труб их домов не тянулись струйки дыма. В этом краю совсем недавно лето уступило осени, а настоящая зима здесь никогда не наступала. Путешественники приближались к владениям эльфов Эльдара.

Утром следующего дня, когда Клерви казалось, что силы его на исходе и он вот-вот свалится с коня, Ганимед приказал коням снижаться. Кони спустились на невысокий, поросший густым кустарником холм. Красивый вид открывался с вершины холма. На севере лежали бескрайние вечнозеленые леса, залитые мягким солнечным светом, на западе и на юге простирались долины с островками редких лесов, неглубокими оврагами и редкими озерами с серебристой гладью воды, а на востоке вдали виднелись нечеткие контуры Белых гор, за которыми располагалась Светлая сторона. Небо на западе было затянуто серыми тучами, а на севере солнце светило ярко, по-летнему. Отсюда на севере начинались земли эльфийского народа, бдительно охраняемые, а на юге – восточный край людей. На той же широте на западе уже царили суровые северные холода, а здесь недавно наступила осень, что, как объяснил Никанор Клерви, связано с близостью эльфийских владений.

– Это холм Энаресс, – сказал Ганимед, когда путники слезли с коней и повалились в густую траву. – Мы уже добрались до земель эльфов – видите, на севере зеленеют леса эльфов? Это благословенный, светлый край... Я расскажу вас, мои друзья, легенду. Когда три короля эльфов древности – Лианур, Эвинор и Флориан – пришли в Срединные Земли со своими народами со Светлой стороны, из-за Белых гор, они подошли к этому холму, и короли поднялись на его вершину, чтобы осмотреть окрестные земли. «Вот, – сказал Эвинор, – земли для моего народа. Незачем нам идти дальше, на запад, к врагам, к Темной стороне, где нас ничто, кроме зла, не ждет; осядем здесь, недалеко от нашей родины. Если наступят тяжелые времена, и Тьма повиснет над Срединными Землями, мой народ сможет уйти назад, за Белые

горы, где царит вечный Свет. Мы принесли людям немного Света из нашей родины, так пусть он воцарится здесь, на севере, где так мало радости и надежды! Пусть уйдут из этого края северные холода, и пусть здесь воцарится вечное лето!» На севере от Энаресса и основал свое королевство Эвинор. А Лианур повел свой народ дальше, на юг, дошел до большого Восточного озера, в которое несли свои воды реки, берущие свое начало в Белых горах, и так напомнили светлые воды озера Лиануру его родину, и такая тоска овладела его сердцем, что повел он свой народ верх по течению самой широкой реки, впадавшей в озеро, и когда достиг гор, решил остаться там и создать второе королевство эльфов в мире людей. И по сей день стоит на берегу реки у подножия Белых гор город эльфов Лианура – Ливадия. Третий король, самый младший, не пожелал оставаться в Срединных Землях, не доверял он людям, не мог смириться с соседством Темной стороны и отправился вскоре после перехода через горы на берег Северного океана, который не имел конца ни на западе, у Темной стороны, ни на востоке, у Светлой стороны, ни на севере, о котором нам ничего не известно. Ушел в океан Флориан со своим народом и не вернулся, так о нем больше никто и не слышал. Именно здесь, на вершине Энаресса братья – Лианур, Эвинор и Флориан – прощались друг с другом и прощались навсегда, ибо велика была их сила и мудрость, способная угадать судьбу.

Клерви пытался представить себе картину расставания древних эльфийских королей, лежа в зеленой траве. Лучи солнца грели его и ласкали лицо, и ему казалось, что наступило лето; словно и не было недели назад морозов в Ризенгросе и Половрике. Над ним нависали пушистые ветки кустов шиповника и розы, усеянные белоснежными и розовыми цветами, источавшие тонкий аромат. Рядом стоял, пофыркивая, его конь, неподалеку Никанор занимался приготовлением костра. Окинув раскинувшиеся перед ним просторы сонным взглядом, Клерви широко зевнул, а в следующее мгновение он уже спал глубоким спокойным сном, без видений и кошмаров.

Уже через час Клерви разбудил Никанор.

– Еда готова, – сказал Никанор, – Иди покушай, а потом опять поспишь.

Он неохотно сел, протер глаза и осмотрелся. Солнце стояло в зените. Кони разбрелись по склонам холма и паслись. Ганимед и Энрид сидели у костра, напевая себе под нос какие-то тихие песенки.

Клерви медленно встал и шаркая ногами подошел к костру. Ганимед бросил из-под седых бровей на него пронизательный взгляд и предложил присесть и отведать гренок и мяса, приготовленного на костре.

Клерви взглянул на еду и вдруг понял, что жутко голоден. Он начал есть с таким аппетитом, что Энрид и Ганимед заулыбались, наблюдая за ним. Никанор присел рядом и тоже начал есть. Глядя на молодых людей, уплетающих за обе щеки с таким аппетитом, Ганимед и Энрид тоже решили отведать мяса с гренками. Затем из сумки достали сушеные фрукты и флягу с водой. Клерви выпил из стакана воды, вытер губы рукой и поблагодарил за трапезу.

Петляя между кустов, он спустился по южному склону холма и оказался у неширокого, но глубокого ручейка, в котором как в зеркале отражались склонившиеся над водой украшенные розами ветви. Клерви присел на корточки, зачерпнул воды и ополоснул лицо; вода оказалась теплой. Он огляделся по сторонам – вокруг ни души. Тогда он разделся и зашел в воду. Вволю накупавшись и как следует умывшись, он вылез из ручья, дрожа от холода, и растянулся на мягкой травке у самой воды. Солнце скоро согрело его, и Клерви, расслабившись и разморившись, впал в полузабытое состояние. Внезапно он почувствовал легкое прикосновение к плечу. Вздрогнув, он резко вскочил и обернулся. Перед ним стоял его конь. Белая грива сверкала на солнце, подобно снегу, а золотистая шерсть искрилась и блестела. На Клерви не моргая смотрели умные, понимающие глаза; в них он читал дружелюбие.

– Что ты здесь делаешь? – тихо спросил молодой человек у коня, не ожидая ответа. – Как сюда забрел? Правда, прекрасное место? Конь одобрительно фыркнул и переступил с копыта на копыто. Клерви протянул руку и погладил животное по голове. Золотистая шерсть была удивительно мягкой и гладкой. – Эй, Клерви! – вдруг раздался голос Никанора из-за кустов. Клерви моментально вскочил и спешно натянул брюки и куртку. Через минуту на поляну перед ручьем вышел скальд.

– Ах, вот ты где! – воскликнул он. – Лучше бы ты не уходил один, мы ведь еще не на земле эльфов. Надо отдохнуть. Ганимед сказал, что мы больше не будем останавливаться до самого Эльдара. – Сколько еще лететь до него? – День и ночь, – ответил Никанор, – Мы отправимся в путь вечером.

Клерви обернулся в сторону, где стоял конь, но его там уже и не оказалось; только еле заметные следы от тяжелых копыт остались на вмятой траве. Клерви взял в руки сапоги, плащ и побрел вслед за Никанором. Поднявшись на вершину холма, на место их стоянки, они застали Ганимеда, сидящего скрестив ноги, с закрытыми глазами, – наверное, он ушел в медитацию, глубоко в себя, чтобы восстановить свои силы. От потухшего костра поднималась в голубое небо тонкая струйка дыма. Энрид стоял на краю северного выступа Энаресса и всматривался вдаль. Никанор и Клерви подошли к нему. Некоторое время они стояли молча, созерцая край эльфов.

– Здесь так красиво, – задумчивым голосом произнес Никанор, – на что похож Эльдар? Энрид с доброй улыбкой повернулся к нему:

– Ты сам все увидишь, мой друг.

– Расскажите нам про эльфов, – попросил Никанор, умоляющим взглядом глядя на мага, – как они выглядят, как живут.

Энрид глубоко вздохнул, окидывая взглядом окрестности. Он стоял, выпрямившись, скрестив руки за спиной, слегка морщась от солнечного света.

– Мудрость светлого народа сравнима только с добротой их души. Эльфам незнакомы людские страсти. Они никогда не вмешивались в людские дела и войны, но всегда защищали Срединные Земли от черной магии. Они сражались в войнах Света и Тьмы плечом к плечу с нами. Хотя только единицы из них обладали даром магии. Многие думают, что эльфы не знают ни страха, ни боли, но это не так. И вовсе они не бессмертны; да, их век дольше человеческого, но и они не живут вечно, а умирают, как и все живые создания. Эльфы во многом отличны от людей, но и похожи. В Срединные Земли пришли три народа эльфов – темноволосые эльфы Эвинора, сильные и воинственные; эльфы Лианура, с русыми волосами и ясными зелеными глазами, ловкие и незаметные, любившие музыку и поэзию, воспевавшие свою родину и Свет, близкие природе; и светловолосые, голубоглазые, самые прекрасные эльфы Флориана. Однако никто не знает, какая участь постигла этот народ в холодных водах Северного океана. Остались два народа эльфов – сильные и умелые эльфы Эльдара и талантливые эльфы Ливадии. Эльфы всегда помогали людям, среди них вы можете ничего не бояться. В Эльдаре живут эльфы высоких кровей, чьи семьи берут начало от королей древности, и живут они в домах из белого камня. В Эльдаре нас примет королева Номанна, наследница древнего рода Эвинора.

Клерви проснулся вечером того же дня. Не вставая, он огляделся вокруг. Все было тихо и спокойно. Солнце клонилось к горизонту, небо приобрело бархатно-синий оттенок, и на севере нависал бледный серебристо-серый диск луны. На землю ложились кучерявые тени от низкорослых кустов; лес на севере напоминал безбрежное темно-зеленое море, мерно колыхающееся на ветру. Внизу, у подножия Энаресса, залегла густая тень; овраги на западных и южных долинах лежали черными пятнами. Огромный янтарно-желтый диск солнца, на которое можно было смотреть, не жмуря глаза, медленно уходил за горизонт, за обитаемые земли,

за неизведанные края, где никто не был. Каждый день проходило солнце долгий путь по небу, даруя земле свет и тепло, без которых невозможна жизнь, и каждый вечер уходило в неведомый мир, далекий и нереальный, за гранью известной жизни. Клерви подумал о том, что лежит за Северным океаном, за Зловещими и Белыми горами, за сухой пустыней и непроходимыми джунглями на юге, за изведенными краями. Она подумал о тайных землях – Светлой и Темной стороне... Он заметил, что Никанор и старые волшебники сидят, недвижимые, на склоне холма недалеко от него и смотрят вдаль. Он тоже посмотрел туда, куда так мечтательно смотрели они, и сам замер в восхищении. Он словно впервые увидел закат солнца и не мог отвести зачарованного взгляда от уходящего за горизонт солнца. Он любовался величием заката солнца и удивлялся, что раньше никогда не замечал этой красоты, которая всегда была рядом. Нет, он замечал это всегда, но никогда не чувствовал эту вдохновляющую красоту так остро. Он думал о том, как чудесна жизнь и сколько всего в мире прекрасного и удивительного. Словно неведомая рука сняла с его глаз серую пелену, и теперь он восхищался красотой и гармоничностью мира, в котором он жил с рождения. На небе мерцали первые редкие серебряные звезды. Вдали на востоке горы подернулись беловатой дымкой, похожей на раскрывшиеся пушистые одуванчики в начале лета. Было удивительно тихо, и эта тишина дополняла окружающий пейзаж, составляла с вечерней природой неповторимый и совершенный мир. Умиротворением и покоем дышало все вокруг, и Клерви чувствовал себя счастливым.

Путники наслаждались закатом солнца, таким спокойным и прекрасным в уходящей эпохе.

Когда на землю спустились сумерки, путники отправились в путь.

Никанор снова помог Клерви вскарабкаться на огромного коня, а потом и сам ловко вскочил на своего. Почувствовав под собой знакомого седока, конь Клерви оглушительно заржал и взвился в небо. В лицо ему ударил порыв прохладного вечернего воздуха, полного благоуханием вечноцветущих растений. Он сделал глубокий вдох, крепче вцепился в гриву коня и взглянул вниз, на стремительно отдаляющийся холм. Он уже не чувствовал страха перед высотой. Они летели всю ночь, но Клерви не чувствовал усталости. Воздух был теплым и ласковым и наполнен ароматом цветущих деревьев эльфийских лесов, над которыми они неслись. На небе светили звезды, луна лила серебряный свет на край эльфов, но внизу Клерви было ничего не разобрать, кроме блеска звездного и лунного света в листве. Умиротворенную тишину не нарушал никакой звук.

Когда взойшло солнце, Клерви увидел благословенный край эльфов во всей его красоте. Удивительно яркое небо казалось бесконечным, и невозможно было окинуть взглядом всю безбрежную его лазурь. Все вокруг купалось в солнечном свете. Леса, уходившие до горизонта, казались зеленым бескрайним океаном с неровными гребнями прихотливых волн. Хотя Клерви летел высоко в небе на своем коне, ему казалось, что до земли можно дотронуться рукой и почувствовать бархатное прикосновение пушистых крон деревьев. Птицы кружили над путниками, оглушая их звонкими песнями и приветственными криками, словно они радовались появлению гостей. По небу, высоко над ними, неторопливо и безмятежно плыли, не заслоняя солнце, кучерявые белоснежные облака, такие далекие и нежные. Все в этом краю было простым и естественным, первозданно чистым и нетронутым. Все линии и формы, сотворенные природой, были гармоничны и прекрасны. Клерви видел все это впервые – на эльфийской земле природа была несколько иной.

Здесь было не жарко и не холодно, солнце не пекло, порывы ветра не заставляли отворачиваться. Зелень имела мягкий успокаивающий оттенок. Везде, насколько хватало глаз, простирались густые лиственные леса, изрезанные руслами небольших рек, берущих начало в Белых горах, и быстрыми ручейками с кристально чистой водой. Лишь изредка попадались цветущие поля с высокой зеленой травой, похожие на одинокие острова среди моря леса.

На некоторых лугах паслись лошади белой масти, очевидно, принадлежавшие эльфам, живущим в окрестных лесах. Когда день начал угасать, солнце начало тускнеть и птицы замолкать, путники наконец начали снижаться на землю. Кони приземлились на небольшую лесную прогалину, которую пересекал, падая с невысокого обрыва, бурный родник. От него во все стороны летели брызги, кажущиеся в свете вечернего солнца золотыми. Когда копыта коня коснулись земли, Клерви спрыгнул со спины животного и рухнул в мягкий душистый ковер трав. Клерви огляделся по сторонам – и увидел леса эльфов по-новому. Со всех сторон прогалину окружали могучие высокие деревья, чьи кроны походили на зеленые облака; земля была покрыта густой, пушистой травой, среди которой кое-где проглядывали пестрые цветы. Воздух был наполнен звоном ручья, щебетанием невидимых птиц. Деревья стояли неплотно, и сквозь их кроны в лес проникало много солнечного света. Клерви с наслаждением втянул в себя ароматный теплых воздух и прикрыл глаза.

Через минуту он услышал голоса Ганимеда и Энрида в стороне от него, у родника. Клерви посмотрел в сторону родника и сразу вскочил – рядом с белыми магами он увидел эльфа. Клерви удивился, почему он сразу не заметил эльфа, оглядывая лесную прогалину, но вскоре понял – одежда эльфа сливалась с зелеными лесными тонами. Эльф естественно и гармонично смотрелся здесь, в лесу – словно он был рожден для такой стихии. Он был одет согласно традиции эльфов Срединных Земель – легкие полуприлегающие ткани зеленых, коричневых, серых оттенков. Клерви впервые в жизни видел эльфа. Ганимед представил эльфа Клерви и Никанору – это был принц Арланарион, сын королевы Номанны, прославившейся среди своего народа тем, что умела колдовать. Молодые люди склонили головы перед ним, и эльф тоже – в знак приветствия. Арланарион предстал перед ними высокий, худощавый, с прямой гордой осанкой. Он был таким, каким эльфов описывают люди в Срединных Землях, именно таким, каким Клерви ожидал увидеть эльфов. Его длинные прямые темные волосы слегка развевались под тихими порывами ветра; Арланарион, по традиции своего народа, убирал их за заостренные сверху уши. У него было открытое лицо и добрые, ясные светло-голубые глаза, в которых угадывалась молодость. Около часа шли Ганимед, Энрид, Никанор, Клерви и Арланарион по лесу. Широкая тропинка, ровная, аккуратно вымощенная белым камнем, петляла между деревьев и кустов, уходя дальше в лес. Среди веток порхали встревоженные птицы, оглашая окрестности звонкими криками. Вдоль тропинки, которая, чем дальше они заходили, тем все больше расширялась и становилась похожей на дорогу, ведущую в город, росли разноцветные яркие цветы, которые, казалось, вобрали в свои нежные лепестки сияние солнца. Иногда над их головами пролетали белые голуби, которые будто бы встречали их, – они позволяли радостным Клерви и Никанору подойти совсем близко и дотронуться до белоснежных перьев.

Ступая по извилистой дорожке вслед за Никанором, Клерви вспоминал слова когда-то услышанной им песни о городе света – об Эльдаре: ... ночует солнце там, на золотом лугу Эльдара... Он чувствовал радостное возбуждение. Он разглядывал все вокруг и впитывал в себя – растения, форму камней, кору деревьев, тени от солнца, цвета, запахи, звуки. Ему не терпелось взглянуть на эльфийский город, о котором ходило так много легенд и о котором слагали баллады, на это непревзойденное творение древних эльфов.

Дорожка, по которой они шли, впала в более широкую, мощеную ослепительно белым булыжником дорогу, постепенно спускавшуюся вниз. По сторонам дорогу украшали белоснежные розы, источавшие нежный аромат. Между кустами стояли то тут, то там белокаменные колонны, оплетенные вьюнком и диким виноградом, вазы, с которых свисали копны зеленых грив. Потом по сторонам дороги появились ручейки, чьи узенькие русла были облицованы белым мрамором; в них текла, тихо журча, прозрачная, как горный хрусталь, вода. Вечернее солнце отражалось на ее поверхности, окрашивая воду в оранжевый и багряный цвет, и казалось, что ручьи доверху заполнены золотом. Дорога начала уходить круто вниз, и путникам пришлось спускаться по ступеням. Наконец они вышли к реке, на берегах которой располо-

жился Эльдар. Внизу простиралась долина, пересеченная многочисленными притоками этой реки, между которыми рос зеленый лес. Среди крон деревьев белели двускатные крыши домов эльфов; через самый широкий приток реки, который падал в долину высоким водопадом, перебивавшимся всеми цветами радуги, был перекинут широкий мост, украшенный скульптурами и колоннами. У правого конца моста возвышался дворец изящной архитектуры, казавшийся белой горой среди зеленого моря. Все в городе эльфов было построено из белого камня. Лес был изрезан мощными дорожками и ручьями. Над кронами деревьев кое-где возвышались шпили каких-то построек; среди деревьев и домов виднелись беседки и мостики. Очертания всех зданий были изящными, легкими, воздушными. Клерви невольно подумал, что он попал на небеса, в какой-то райский город.

Дорога вывела путников к городским воротам – точнее, эта была просто арка, – вершину ее венчала мраморная скульптура лебедя, державшего в клюве ветку белой розы. Гостей встретила стража из пяти эльфов, облаченных в легкие кольчуги. Они поклонились Арланариону и поприветствовали гостей, подарив каждому по ветке белой розы. Путники вошли в город, утопавший в зелени и вечернем солнце. Легкий теплый ветерок тихо шептал в листве высоких деревьев; от кустов и домов, казавшихся тоже творением природы, ложились сизые тени, от которых веяло прохладой. Слышались звуки близкой воды, бывшей в городе в изобилии; медленно заходящее солнце окрашивало белые здания и дороги в розовые, лиловые и сиреневые цвета, напоминавшие о цветах. В окнах эльфийских домов не было ни рам, ни стекла; по ветру развивались белые шелковые занавеси. На дорогах, мостиках и закоулках Эльдара путникам встречались эльфы – все они были дружелюбны и приветливы. Их лица излучали спокойствие и счастье. Клерви и Никанор не скрывая тарасили на них глаза, и Энрид даже попросил их вести себя скромнее.

Путники пересекли переулочек, по сторонам которого были маленькие живописные дворики с брызжащими фонтанами, прошли под аркой, украшенной скульптурами единорогов, поднялись по широкой мраморной лестнице, прошли по мосту – и, наконец, вышли на дорогу, ведущую к королевскому дворцу. Здесь им опять пришлось проходить по мосту, и этот мост был таким красивым, что Клерви, заглядевшись, в восхищении невольно остановился. Мост изогнутым полумесяцем поднимался над водой, в которой отражались золотые облака на темнеющем небе и тянущиеся к реке ветви деревьев. Перила моста были сделаны наподобие переплетающихся лиан, смыкавшихся над головами; их линии были настолько изящны, что Клерви не удержался от того, чтобы не провести по ним пальцами. На белых мраморных плитах, слагающих основание моста по правой и левой стороне, были изображены все короли, правившие Эльдаром со времен его основания. Под каждым изображением были высечены на светлом наречии их имена и даты правления, а также картины, рассказывающие о важнейших событиях царствования каждого короля. Клерви чувствовал себя так, словно попал в другой мир, светлый и радостный.

Наконец они подошли к королевскому дворцу. Его западное крыло переходило в мост, перекинутый через самый широкий и глубокий приток долины; на севере к дворцу подступал лиственный лес, в котором жили единороги; восточный фасад дворца выходил на неглубокое ущелье, по которому текла река. Арланариона и гостей встретили два эльфа в кольчугах, с короткими мечами на поясах и копьями в руках. Они почтительно поклонились Арланариону, распахнули легкие кованые ворота и расступились, пропуская путников. Внутри дворца открытые светлые дворики переходили в аллеи и коридоры с живой зеленой оградой, ведущие в разные покои и залы. Через каждые десять шагов попадались фонтаны и островки зелени и цветов. Путники вышли в один зал, полностью закрытый; все его стены были покрыты старинными гобеленами, изображавшими историю народа эльфов. Ганимед указал на один гобелен Никанору и Клерви – там было изображено, как древние эльфы, до начала эпох, переходили Белые горы со Светлой стороны. И на следующем гобелене – та легенда, о которой Ганимед

поведал на вершине холма Энаресс. Клерви увидел три короля эльфов древности – они несли в руках сияющие фиалы, в которых они, рассказал Ганимед, по преданию, несли в Срединные Земли частицы Света. На деревянном полу зала была изображена карта Срединных Землей. Некоторые гобелены рассказывали о сражениях, в которых участвовали эльфы; сначала Клерви не мог понять, против кого сражался светлый народ, но потом понял, что эльфы не трудились изображать черных магов, орков, троллей и прочих темных существ – они всех представляли на гобеленах в виде безликих теней, нападающих на эльфов.

Арланарион уводил гостей все дальше, пока вдруг не остановился у широкой лестницы – Наверху вас ждет горячая еда и мягкая постель, – сказал эльф; его голос нравился Клерви – он был подобен тихому журчанию ручья ранним утром в лесу.

Затем он поклонился каждому гостю, повернулся и исчез под аркой, ведущей в западное крыло, в королевские покои. Ганимед осведомился у молодых людей, понравился ли им Эльдар.

– Все звезды на небе меркнут перед блеском и красотой города северных эльфов, – сказал Никанор, – Раньше я думал, что нет на свете ничего красивее творений природы, моря, гор, но теперь, я думаю, что эльфы не уступают в мастерстве и умении создавать прекрасное природе.

Клерви не нашелся, что сказать, он только согласно хмыкнул. Он чувствовал, как усталость нахлынула на него волной. День, полный ярких впечатлений, заканчивался, и Клерви чувствовал острую необходимость в отдыхе. Вместе с Никанором и белыми волшебниками он поднялся по лестнице, прошел по коридору и вышел на открытую террасу. С террасы открывался захватывающий вид на расщелину, по дну которой нес свои воды на север один из притоков реки, на которой стоял Эльдар. Река падала в ущелье шумным водопадом, и над ним в воздухе поднимались тучи водяных брызг, окрашенных заходящим солнцем в золотой цвет. На склонах ущелья зеленел лес, между деревьев которого были разбросаны в беспорядке белые каменные дома эльфов. Их крыши казались спустившимися с неба облаками. На берегу реки на зеленой травке сидели эльфы и играли на арфах и пели песни, полные жизнелюбия и радости. Чарующе звучали голоса эльфов, и от их пения Клерви словно впал в оцепенение.

В центре террасы стоял накрытый скатертью стол, на нем голодных гостей ждал ужин. Никанор вопрошающе взглянул на Ганимеда – тот улыбнулся и жестом пригласил всех к столу. Никанор и Клерви быстро принялись за еду, Энрид и Ганимед же начали раскуривать трубку и пить какие-то травяные настойки.

На террасу вели шесть дверей, через одну они попали сюда, а через остальные двери можно было попасть в покои, предназначенные для гостей.

Никанор, доедая кекс с изюмом и запивая его чаем, немного невнятно произнес:

– Здесь так хорошо. Что будет, если люди захотят жить в этом краю?

Ганимед выпустил клубы дыма изо рта, блуждающим взглядом коснулся лица скальда.

– Мир эльфов не досягаем для людей, – сказал Энрид, поворачиваясь к столу; он смотрел пристальным взглядом на ущелье, раскинувшееся под террасой.

– Да. И люди побаиваются эльфов, – ответил Ганимед, – а эльфы оберегают свою землю. У эльфов острое зрение и слух, они весьма искусны в бою.

Ганимед снова втянул и выпустил дым. На секунду он прикрыл глаза и снова открыл их.

– Без эльфов всего этого не было бы, – он окинул взглядом все, что было вокруг, ущелье, дворец.

После плотного ужина Ганимед дал распоряжение Никанору – пойти на конюшню и узнать, как устроили их коней. Никанор, кряхтя, пошел исполнять просьбу.

Энрид пожелал спокойной ночи и вышел с террасы – должно быть, он пошел прогуливаться по эльфийскому городу. Эльфы у реки продолжали петь песни, только теперь они звучали уже медленнее и спокойнее – словно колыбельные. Клерви, подперев голову, слушал кра-

сивые голоса эльфов и погружался все глубже в дремоту. Еда уже не лезла в него – он и так съел больше, чем мог позволить себе его желудок. Солнце уже почти совсем скрылось, только верхушки деревьев и крыши домов еще горели яркими закатными красками. Вечер был теплый; воздух был наполнен ароматами цветов. Клерви чувствовал себя как в сказке. Ему до конца не верилось в то, что случилось с ним.

Ганимед вывел Клерви из дремоты – он спросил, как тот себя чувствует, как перенес он путешествие, не было ему еще видений за последние дни.

– Нет, я ничего не видел, – помотал головой Клерви, – я вам так благодарен...

– Не благодари меня, Клерви, – улыбнулся старый маг, – я рад, что ты счастлив.

Клерви кивнул, но легкая грусть закралась ему в сердце при слове «счастье» – он вспомнил Лори. Он мог только гадать, как у нее дела. Это тревожило его; в его сумке лежало недописанное письмо для нее. Она была так далеко – Клерви только и мечтал, что смог бы взять Лори с собой в этот прекрасный край.

– За эти несколько дней я получил столько впечатлений, что, боюсь, не смогу запомнить все подробности путешествия по краю эльфов, – подумав, сказал Клерви Ганимеду, – а жаль. Я никогда не бывал в месте, более светлом и радостном.

Ганимед улыбнулся Клерви теплой дружеской улыбкой и сказал:

– Я вижу, Клерви, у тебя уже глаза слипаются.

Клерви улыбнулся тоже и потер ладонями лицо.

– Ты можешь выбрать любую спальню, – Ганимед указал рукой на распахнутые двери, и Клерви, подобрав свою дорожную сумку с пола, неуверенным шагом подошел к одной двери, – не бойся и не робей, Клерви. Ты среди друзей.

– Утро вечера мудрее, – сказал белый маг на прощанье, – Спокойной ночи, мой друг.

Помывшись и раздевшись, Клерви лег на белоснежное благоуханное постельное белье и устался на балдахин над кроватью. Напротив широкой кровати был камин; на каминной полке горело несколько толстых свечей. Клерви любил смотреть, как горит свеча, – это успокаивало его, однако сейчас он просто задул их, не задержавшись на них взглядом ни секунды. Слишком он был измотан, и физически, и эмоционально. Совершенно неожиданно он ощутил острую тоску по родному краю. Он вдруг осознал, насколько чуждо ему все на этой земле эльфов. Его сердце было привязано к родному краю. Он простой человек, и вся эта величественная красота города эльфов, его изящная, неземная архитектура, наполненные светом каменные дома, дворцы, мостовые, высоченные стройные деревья, чистые прозрачные воды – все это не сродни ему. Гораздо милее его сердцу суровые, холодные северные края, гордые заснеженные вершины Зловещих гор, возносящиеся к небесам, узкие улочки его родного города, мрачные готические соборы, черепичные крыши трехэтажных постоялых дворов. Он привык к этому с детства; все его воспоминания неразрывно связаны с западным краем людей. Клерви глубоко вздохнул, и в следующую минуту заснул.

Глава 5

Когда на следующее утро Клерви проснулся, солнце давно уже стояло высоко в небе и заливало ярким светом город эльфов. Он не сразу понял, где находился, а вспомнив, улыбнулся. От вчерашней вечерней тоски не осталось и следа – такова уж была его человеческая натура: с приходом нового дня начиналась и новая жизнь. Дверь в его спальню была притворена, и с террасы дул свежий ветерок. У кровати стоял табурет с подносом, на котором громоздились полные тарелки с завтраком. Клерви потянулся и взял бокал со свежим фруктовым соком. Он растянулся на широкой кровати и долго так лежал, отпивая понемногу сладкий сок и ни о чем не думая.

Позавтракав и умывшись, Клерви вышел на террасу, где на подвесном гамаке расслабленно лежал, раскачиваясь, Никанор. На нем не было его кожаного жилета, его сонные глаза рассеянно блуждали по окружающему пространству.

– Доброе утро, Клерви, – поприветствовал молодого предсказателя скальд. – Доброе утро, – отозвался эхом Клерви.

Клерви подошел к краю террасы и взглянул вниз. Эльфов с арфами, которые распевали песни на берегу весь вечер, не было. В реке купались дети, маленькие эльфы, весело хохотали и брызгались. Между деревьями порхали пестрые птицы, бабочки кружили над цветами, пчелы жужжали, зарываясь в лепестках цветов и собирая нектар, из которого потом получится сладкий мед, который пойдет на стол к эльфам. На голубом небе не было ни единого облачка, и только яркий диск солнца смотрел на благословенную землю свысока.

Прошло две недели с момента приезда гостей в Эльдар — две волшебных недели для Клерви. Ему не верилось, что судьба оказалась так благосклонна к нему. Он упивался теплыми солнечными днями, когда он мог подолгу разгуливать по эльфийскому городу и окружающим его лесам в одиночестве или в сопровождении Никанора или белых магов, слушая об истории и жизни народов Срединных Землей; он наслаждался безграничной свободой, бездельем, жизнью во дворце, пищей и сном до полудня. Никанор по утрам и вечерам обучал Клерви драться на мечах, и Клерви преуспевал в этом. Скальд неустанно повторял ему, что он должен почувствовать меч как часть своего тела; что он должен стать единым целыми с мечом. И порой к Клерви приходило это чувство – будто клинок прирастал к нему. Ганимед приносил Никанору и Клерви книги в позолоченных переплетах – должно быть, они стоили безумных денег. Никанор читал лучше Клерви, но все же и его чтение вслух вызывало смех старых добрых волшебников, и Ганимед решил помочь молодым людям повысить свою грамотность. Одна книга, которую принес Ганимед, была об истории Эльдара – из нее Клерви узнал, что на город нередко нападали – и люди, желавшие заполучить город себе, и гномы из Белых гор, верившие в легенду, что Эльдар построен на месторождении драгоценных камней. Другая книга была написана эльфом, который в одиночку отправился путешествовать по Срединным Землям и дошел даже, переплыв Южное море, до пустыни – и там ему встретились разные диковинные животные, древние самобытные народы людей, которые он подробно описал в своей книге.

Вечерами, после уроков боя с Никанором, за которыми иногда наблюдал Ганимед, они спускались к реке, садились возле ее берега рядом с длинноволосыми, ясноокими эльфами и слушали их песни. Один раз Никанор изъявил желание спеть, – его песня была грустной, о юном скальде, страдавшем от неразделенной любви к знатной девушке, семьей которой он был нанят для ее охраны. Однако вторая его песня всех развеселила – играя на лире, он пустился в пляс, и скоро увлек за собой почти всех. Даже белые маги, Энрид и Ганимед, весело смеясь, принялись пританцовывать. Клерви играл на флейте, и многие хлопали ему в такт.

Эльфы интересовались молодым предсказателем, но он не мог им рассказать ничего интересного о своей жизни. О старых страшных видениях ему говорить не хотелось. Он рассказывал им сказки из своего детства, проведенного среди монахов. Эльфы слушали внимательно и спрашивали Клерви о Половрикe, о западном крае людей, о том, много ли там живет людей, исповедующих религию, чем занимаются там люди, какими ремеслами и что выращивают на своих полях. Они не могли понять, как люди могут жить в таком холодном северном климате.

Клерви не задавал никаких вопросов. Он не думал о будущем. Он просто жил и радовался каждому дню.

Однажды вечером на террасу явилась сама королева. Никанор, Клерви и белые маги сидели за столом и ужинали; им прислуживал эльф с длинными волосами, убранными назад. Ганимед читал книгу, потягивая горячий травяной напиток, Энрид отрезал от яблока маленькие кусочки и ел их прямо с ножа; Никанор и Клерви, делясь впечатлениями друг с другом о съеденной пище, пытались попробовать все многочисленные блюда, которыми накрыли стол.

Когда королева зашла, Клерви и Никанор не сразу встали из-за стола – королева ступала очень тихо, и, только увидев, что Ганимед и Энрид встали и почтительно склонили головы, молодые люди подскочили, обернулись и замерли. Клерви подавился крошками хлеба, и Никанор постучал ему по спине. Через секунду они сообразили и поклонились королеве эльфов.

Королева улыбнулась им. Взгляд ее пронизательных серых глаз был полон мудрости и спокойствия. В ее темных волосах, убранных в замысловатую прическу на голове, искрились серебром седые пряди, сливаясь с серебряным узором, вышитым на ее белом платье. Ее голову венчала корона из белого золота, сделанная наподобие венка из листьев и цветов. Ее лицо было открытым и приветливым, как и у всех эльфов.

– Сегодня прибыл Гладвин, – сказала королева Номанна; ее голос был спокоен и глубок. Ганимед кивнул и переглянулся с Энридом.

– Он последний, кого мы ждали, – продолжила королева.

– Это прекрасная новость, сиятельная королева, – произнес Энрид, – завтра соберем совет.

На следующий день Клерви и Никанор завтракали в одиночестве, когда вдруг скрипнула дверь, и на террасу вышел молодой эльф, с плеч которого свисал длинный коричневый плащ.

Эльф улыбнулся и мягко сказал:

– Я приветствую вас, Никанор и Клерви. Я отведу вас туда, где состоится совет. Волшебник Ганимед настоял на том, чтобы вы присутствовали на совете. Чародеи, с которыми вы прибыли сюда, уже на совете. До начала осталось немного времени, и поэтому я вынужден попросить вас поторопиться с завтраком.

Никанор и Клерви минуту стояли в растерянности, глядя на эльфа. Затем быстро сбегали в свои покои, привели себя в порядок, торжественно оделись, в лучшие свои наряды, и зашагали за эльфом по дворцу.

Эльф привел молодых людей на круглую просторную площадку среди деревьев у северного крыла дворца. Кроны деревьев заслоняли солнце, от них на площадку ложились прохладные тени. По периметру площадки стояли деревянные резные стулья и кресла, в некоторых уже сидели люди. В центре был высокий стол, на котором лежали старинные ветхие книги, полуистлевшие листки с древними рунами. Здесь они увидели Ганимеда и сидевшего рядом Энрида. Ганимед пригласил Клерви и Никанора сесть подле него.

Клерви нервничал, и он заметил, что Никанор тоже чувствует себя не в своей тарелке. Он держался неестественно прямо, сжимал руки в кулаки, нервно оглядывался по сторонам. Клерви посмотрел на Ганимеда – он уже привык и привязался к старому магу, и рядом с ним чувствовал себя спокойно. У Клерви была куча вопросов к Ганимеду. Вместе с тревогой

Клерви чувствовал и гордость – он был приглашен на совет белых волшебников в городе эльфов. Думал ли он когда-нибудь, что с ним такое случится?

Клерви чувствовал и огромный интерес. Он сидел позади всех, но его место позволяло увидеть почти всю площадку. Его внимание привлек коренастый рыжебородый гном в кольчуге и шлемом на голове, похожим на голову дракона. На груди у гнома висел на металлической цепочке большой клык, на поясе – боевой топор, какими обычно сражаются гномы; также к его поясу была прикреплена тяжелая металлическая цепь с прикрепленным на конце железным шаром с толстыми шипами, способными разодрать панцирь дракона. Из-под густых кустистых бровей смотрели суровые, недружелюбные карие глаза. Клерви подумал, что не хотел бы он быть врагом этого воинственного гнома. Клерви видел гномов прежде – в Половрике, но то были другие народы гномов, из Зловещих гор. Спускаясь с гор, навещая города людей с целями торговли и еще чего, они любили посещать кабаки и таверны. Пьяные гномы были необыкновенно веселы и добродушны. Но стоило кому-то бросить неосторожное слово в адрес народа гномов, хоть отдаленно прозвучавшее оскорбительно, – ситуация мгновенно становилась опасной. Также Клерви знал, что гномы сильны, трудолюбивы и упрямы; они были лучшими мастерами кузнечного дела в Срединных Землях. Этот народ пришел на земли людей с гор, но, открыв для себя Срединные Земли, они никогда не спускались с гор надолго. Когда в горах появился первый гном, не знают и сами гномы. Они жили в горах испокон веков, сооружали подземные чертоги, шахты, заселяли подземные пещеры, и чувствовали себя там в своей стихии. И в целом, гномы слыли добронравным народом, хотя и были несколько вспыльчивы и темпераментны.

Рядом с гномом Клерви увидел скальда. Он был одет почти так же, как и Никанор и как другие скальды. На нем был черный кожаный жилет, а с плеч свисал черный короткий плащ. За поясом у него был длинный жесткий кнут, кинжал, меч в ножнах. Седая коса, заплетенная на затылке, свисала ниже поясицы. Несмотря на возраст, в скальде чувствовались невероятная сила, воинственность и мужество.

Клерви видел, как Никанор здоровался с ним – он сложил руки на груди, ладонями друг к другу, и наклонился вперед. Старший скальд ответил так же.

– Кто это? – спросил шепотом Клерви у Никанора.

– Гладвин, – так же тихо ответил скальд, – он входит в совет мастеров, который руководит нашим орденом воинов-скальдов. Совет мастеров – это наши самые лучшие воины. Я думаю, они выбрали Гладвина, чтобы он представлял наш орден на совете. Я видел его пару месяцев назад, когда был в замке нашего ордена – а потом Ганимед попросил меня приехать в Ризенгрос.

– Ты давно знаешь Ганимеда? – вдруг спросил Клерви. На самом деле, он давно хотел задать этот вопрос, да удобного случая не представлялось.

– С детства, – сказал Никанор, – он часто бывал в нашем замке на берегу моря, и его знали все ученики, все скальды ордена. Я был одним из лучших учеников, и Ганимед сказал, что хотел бы, чтобы я служил ему.

Скальд гордо улыбнулся. Клерви понял, что это были приятные воспоминания для молодого скальда.

На площадку прибывали все новые волшебники в белых мантиях и эльфы. Почти все сильные белые волшебники собрались здесь – их было около сорока; не хватало только колдунов Ордена Целителей, но они вряд ли чем-то могли помочь своим даром, служащим на благо людей. Клерви заметил только одного целителя, очевидно, верховного мага их ордена, – он видел их в своем родном Половрике; они носили белые мантии с узкими рукавами с манжетами и белые шапки на голове. Они путешествовали по Срединным Землям и всюду помогали людям безвозмездно, излечивая от самых тяжелых и смертельных недугов, однако редко люди оставались неблагодарны им. Они не применяли – да и не могли применить – свою магию никак

иначе, только исцеляя своими руками. Люди в Срединных Землях боготворили их, и, стоило только в каком-нибудь городе появиться целителю, – со всех округов съезжался народ и выстраивался в очередь. Нескончаемый поток благодарностей, подарков и подношений сваливался на целителя. Редко целители вмешивались в дела людей и дела других сильных волшебников – они вели свой, обособленный образ жизни, посвященный одной благородной цели, и уходили из жизни, как и все сильные волшебники, по своему желанию.

Среди белых волшебников на площадке выделялись друиды – седовласые старцы с бородами до пояса, в похожих серых накидках и широкополых шляпах. Клерви сосчитал – их было десять, и все они, несмотря на похожую одежду и выражения лиц, были разными. Их лица были полны глубокой мудрости и понимания. Друиды, самые древние волшебники, высоко ценили свою связь с природой. Они уходили далеко в глубокие лесные чащи, где ни одна живая душа не могла нарушить их уединения. Большая, самая дикая часть Эраланского леса принадлежала им, и они не рады были незваным гостям. Они посвящали свое время изучению и постижению тайн природы, леса, обучали более слабых волшебников – законам природы, ботанике, учили их варить зелья, которые везде в Срединных Землях ценились высоко, на вес золота.

Среди белых магов заметил Клерви и Иоланту – возможно, она прибыла только сегодня, поскольку была в синем дорожном костюме. Ее красивые волосы были убраны в высокий пучок, а милое лицо было задумчиво и отрешено. Все остальные белые волшебники были в основном красивыми молодцами – только еще два были седовласы: один, с длинной бородой, беседовал с Ганимедом, и был, вероятно, магом его Ордена Единорога; а другой, с медальоном на груди в виде орла, с аккуратно постриженной седой бородой, орлиным носом, вызывающим взглядом горящих карих глаз, прямой осанкой – был сам похож на гордого орла.

Вскоре все расселись по местам, площадка в центре опустела. Гул голосов смолк. Осталось только четыре пустых кресла, отличавшихся более роскошной и пышной отделкой.

Ко входу на площадку подошли два эльфа, одетые в кольчуги, подняли рога и протрубили в них. В следующее мгновение на площадку вышли королева Номанна, принц Арланарион, принцесса Аларнель и сын короля Ливадии, южного королевства эльфов, принц Эйвинд. Все присутствовавшие повставали со своих мест и раскланялись вошедшим эльфам. Королева, принцы и принцесса приветствовала всех. Королева Эльдара была одета в бело-голубое платье, расшитое серебряными нитями, ниспадавшее складками по ее стройным ногам, с широкими рукавами, в которых ее тонкие запястья казались уж совсем хрупкими. Принц Арланарион и принцесса Аларнель были похожи на свою мать, только глаза их были не серыми, как у матери, а ярко-голубыми, словно в них отражалось небо. Аларнель была одета в скромное зеленое платье, украшенное золотым пояском на бедрах, а Арланарион в зеленый костюм с золотыми застежками, и это делало их еще более похожими. Эйвинд, принц Ливадии был совсем не похож на своих родичей из Эльдара. У него были светло-русые волосы, длинные, гладкие, как у всех эльфов, и ярко-зеленые, будто впитавшие в себя свежие краски природы, задумчивые, большие глаза. Отец Эйвинда, король Линур, был дружен с королевой Номанной, впрочем, как и все потомки королевских семей Эльдара и Ливадии. И довольно часто король Линур с принцем и свитой посещали Эльдар – поэтому город северных эльфов был хорошо знаком Эйвинду. И молодые наследники, Арланарион, Аларнель и Эйвинд, были друзьями с детства.

Эльфийские принцы и принцесса пересекли медленными шагами площадку и сели в предназначенные для них кресла, и присутствовавшие вновь заняли свои места. Королева Номанна вышла в центр площадки, к высокому столу. Клерви затаил дыхание. Королева глубоко вздохнула, обвела всех спокойным, торжественным взглядом и заговорила:

– Я рада приветствовать всех вас, мои друзья, во дворце Эльдара. Я благодарю вас за то, что вы незамедлительно откликнулись на мое приглашение. Все мы собрались здесь для того, чтобы вновь объединить наши силы.

Со своего кресла поднялся Энрид и вышел в центр площадки. Все взгляды были устремлены на него – и эти взгляды были полны уважения, почтения и преданности. Он был не только одним из старейших магов, но и был самым сильным белым волшебником в Срединных Землях. Королева Номанна и еще несколько эльфов из Эльдара и Ливадии, владевшие даром магии, служили ордену Энрида – однако они даже не дотягивали до уровня волшебников высшего ранга.

– Я, Энрид, верховный маг Ордена Света, благодарю вас, прекраснейшая королева, за ваше гостеприимство, в который раз, и за то, что собрали тут всех нас.

Королева заняла свое место, а Энрид обвел всех присутствовавших внимательным, серьезным взглядом и продолжал:

– Несколько недель назад до меня стали доходить первые тревожные слухи. Я вел наблюдение за небом, как и мои друзья, Ганимед и Флорентин, волшебники Ордена Единорога. Мы одновременно начали замечать зловещие знаки на ночном небе. На западной части небосклона зажглась новая звезда – ее появление предрекали древние предсказатели, еще до войн Света и Тьмы. Это звезда Аримана. По залу пронесся неприязненный гул.

– Как многие из вас знают, Ариман, повелитель змей, был одним из первых магов древности, – сказал Энрид, – Ариман основал Орден Змеи много веков назад. Среди некоторых народов он известен как покровитель маганов – можно сказать, что он им и был. В давние времена маганы пришли в Срединные Земли с Темной стороны. Из-за их частичного сходства с людьми и змеями в народе их стали называть змеелюдями. Некоторые из этих порождений Тьмы владели даром магии и Ариман брал их на служение в свой орден. Однако эти маганы – их называли жрецами среди своего народа – они стремились поработить людей, занять их земли, и поэтому весь народ маганов был изгнан во время войны Света и Тьмы из Срединных Землей.

Древние маги, основатели орденов волшебства, обладали огромной силой, которая давала им полную власть в Срединных Землях. Однако Ариман хотел еще большего. Всем вам известно, что черные волшебники всегда стремились к безграничной власти. Ариман хотел безраздельную власть – он не хотел делить свое господство в мире с другими древними магами. Маги древности были мудры, но разум Аримана был полностью захвачен мыслями о порабощении мира, и велико было его тщеславие. Он хотел превратить людей в рабов, он считал, что люди только для того и созданы, чтобы служить ему... Он доверял только народу маганов, вместе с которыми пришел в Срединные Земли. Он был похож на них – то же стремление жить и обогащаться за счет других, не делая ничего и не привнося в этот мир ничего.

Ариман совершил путешествие на Темную сторону, откуда когда-то пришел на земли людей. Никто не знал, зачем он туда ушел – возможно, многие думали, что он решил покинуть мир; но когда он вернулся, было уже поздно. С собой он принес великое оружие, самое опасное, какое видали только Срединные Земли – шар Тьмы. Эта вещь заключала в себе часть Тьмы, и была проводником между Темной стороной и Срединными Землями. Этот шар нес в земли людей Тьму и зло. Ариман желал, чтобы Тьма захватила Срединные Земли. Он видел себя всемогущим властелином темного мира, в котором все будет так, как ему вздумается.

Древние маги, черные и белые, объединились против него. Они хотели остановить его, сперва взывая к рассудку и мудрости, но он давно утратил весь ум – жажда власти завладела им безраздельно. Ариман был единственным волшебником древности, который покинул мир не по своей воле. Он был убит, и эта насильственная смерть не могла не оставить отпечаток в Срединных Землях... Понимая, что конец близок и неизбежен, Ариман проклял мир людей.

Все это было в давние времена, на заре эпох, очень много человеческих жизней назад, когда даже христианство еще не пришло в мир людей. Ничто не исчезает бесследно...

Корни зла, заложенного Ариманом, останутся в Срединных Землях навсегда, и мы должны уничтожать его проростки. Все, что сейчас мы наблюдаем, все знаки, которые сейчас читаем, совпадают с тем, что указано в древних писаниях, оставленных нашими предками.

Энрид замолчал; его взгляд был задумчив и отрешен, его руки сложены на животе.

На площадке была полная тишина, только в окружающем саду чирикали и порхали птицы.

– Наша дорогая королева, прошу вас, расскажите нам о том, что вам удалось найти в своих хранилищах древних летописей, – Энрид обернулся к королеве Номанне.

Эльфийская королева степенно встала и подошла к столу в центре площадки.

– Мой народ всегда считал книги самым дорогим сокровищем, – произнесла она, – Нам удалось сохранить наши сокровища во время войн. Перед вами рукопись на светлом наречии, – королева Номанна взяла со стола стопку истлевших синеватых листков, скрепленных вместе золотой нитью, и развернула их, – наши предки оставили нам это знание для предупреждения. Здесь есть описание тех речей, которые эльфы слышали от маганов, после гибели Аримана: «...прибудет вечно бессмертная сила и воля Аримана, единственного господина и бога этого мира! Спасет черная тень великого господина истинных сынов темной Лемрии! ... времяточие за времяточием мы будем выжидать свое время, пока однажды не наступят великие перемены, и воля Аримана будет исполнена...». Дальше значительная часть рукописного текста испорчена временем и восстановить ее невозможно. Строки, которые я вам прочитала, – восстановлены, поэтому почти полностью написаны на современном языке, но есть и устаревшие слова; например, Лемрия – древнее название Лемурии.

Королева вновь окинула всех присутствовавших торжественным взглядом и предложила всем, кто захочет, ознакомиться с древней рукописью. Захотел посмотреть на рукопись вблизи волшебник, похожий на орла – он подошел к центру площадки.

А королева Номанна продолжала:

– Мой народ хранит книги, переданные ему из Ризенгроса, Советом старейшин, тайно от черных волшебников. Когда пару недель назад в Эльдар прибыли Энрид и Ганимед, мы вместе изучили эти книги, и нашли то, что искали. Одна книга, вот она, перед вами, – и Номанна подняла со стола тяжелую, очень старую, потрепанную книгу с изображенной на обложке змеей, в кожаном переплете, местами истертом до картонной подкладки, – она содержит как раз то, что нам необходимо было узнать. Нам очень повезло, что книга написана на всеобщем наречии, а не на темном – поскольку книга посвящена черной магии. Вы можете ознакомиться с книгой, разумеется, если желаете.

Волшебник, похожий на орла, немигающими хищными глазами уставился на древний фолиант. Находясь рядом с раскрытой в руках королевы книгой, он начал читать ее вслух, опередив Номанну, для всех, кто был на площадке:

– «... Когда выстроятся звезды седьмой галактики змеиным парадом и засияет на небосклоне звезда Аримана, явится посланец Мрака в мир. Возвестит посланник Мрака мир о переменах, и расколется мир людей. Восстанет темный народ маганов, и поднимется все змеиное воскраие. Настанет новое время для сынов мрака. Настанет конец эпох, и мир станет другим. Черные служители и темные народы станут повелевать им, и абсолютную власть получит нареченный хозяином, владеющий шаром Тьмы».

Волшебник замолк, нахмурился, сложил руки вместе и отошел немного в сторону. Некоторые присутствовавшие переглядывались друг с другом. Их лица были тревожны и безрадостны. Клерви смотрел на Ганимеда сбоку – казалось, что старый маг хранит невозмутимость.

Королева Номанна вздохнула и продолжила:

– В другой книге, – она подняла еще более толстый и древний фолиант, тоже с изображением змеи с длинными клыками, – мы нашли перевод сказаний маганов с темного наречия, и есть одно очень древнее предание, однако его текст сохранился не полностью: «... Однажды воссияет звезда Аримана на рубеже времяточий, и егда произойдут великие отмены... Соитие сих событий приведет в Лемрию мрак. И стерт с лика земного все добро и свет. Нечто озорное и свирепое снизойдет на земли Лемрии и свергнет все воскраи в ужас и страх. Николи после

сего не будет просветления. Ибо навечно скроется мир во Тьме. Тля Лемрии начнется, и получат власть над всем истинные сыны мрака, и будут все клонить свои главы и выи перед сим темным народом. Вещественность мрака поглотит Лемрию на века вечные, до самого конца дней ее, и никому не будет спасения».

Голос королевы эльфов смолк, и на площадке стало тихо – только снова пели в отдалении птицы. Через пару минут собравшиеся стали переговариваться – их голоса звучали возбужденно. Клерви посмотрел на Никанора – тот, почувствовал его взгляд, тоже повернулся в его сторону. Взгляд скальда были задумчив и непоколебим, его губы вытянулись в прямую, жесткую линию. Он кивнул Клерви – и даже в этом кивке была доблестная сила. Клерви в ответ только тяжело вздохнул. Он понимал не все, что слышал и видел, но все это пугало его.

Энрид снова поднялся – и мгновенно на площадке воцарилась тишина.

– Воля Аримана свершится, когда выстроятся змеиным парадом звезды седьмой галактики и засветит на небе новая звезда. Эти знаки мы уже видели... – произнес Энрид, затем бросил будто бы что-то говорящий взгляд на волшебника, похожего на орла, – Олдрек, мой друг. Тебе есть что сказать?

Олдрек, верховный маг Ордена Орла, вышел на центр площадки:

– Я и все волшебники моего ордена неусыпно следим за черными магами, – мужественным, немного грубоватым голосом сказал он, – и в последнее время мы стали замечать, что они что-то замышляют. Сомнений в этом быть не может. Много лет я посвятил борьбе со злом. Я хорошо знаю суть черных колдунов. Их повадки, – по его лицу пробежала ненависть, – Хозяин давно не бывал в замке Совета старейшин, хотя мы хотели видеть его. Волшебники Ордена Змеи – все повывлазили из своей пустыни, они все бродят по нашим землям... И они не одни. Они привели с собой магана!

Клерви показалось, что даже птицы умолкли.

– Возможно ли, чтобы это был посланник Мрака? – Олдрек взглянул на Энрида, но тот хранил молчание, словно в задумчивости, – этот маган, он умеет немного колдовать. Разумеется, подчинить себе стихии он не может, но кое-что с помощью волшебных перстней вытворять может. Нам это очень не понравилось, – глаза его снова грозно сверкнули.

– Спасибо, мой друг, – спокойно сказал Энрид, жестом приглашая его сесть, и Олдрек неохотно занял свое место снова.

– Вероятно, этот маган мог рассказать черным волшебникам про проклятье Аримана, – произнес Энрид, – или они сами все поняли... Это не важно. Совсем не важно, знают ли обо всем черные маги или нет. Это только вопрос времени. Даже если сейчас они ничего не знают – скоро узнают, и тогда они развяжут войну.

В зале послышался рокот голосов.

– Войну? – взволнованно воскликнула королева Номанна. Она и все эльфы были обеспокоены, гном вскочил на ноги и принялся перекидывать из одной руки в другую боевой топор, бормоча что-то недоброе себе под нос, скальд Гладвин склонил лицо на сложенные вместе ладони. Клерви нервно заерзал на своем стуле, поглядывая на Ганимеда. А Ганимед хранил спокойствие. Он посмотрел на Клерви, словно бы говоря, что все так, как и должно быть, затем он поднялся и заговорил:

– Древние предсказывали эту войну, как две предыдущие войны Света и Тьмы. Мы знали, что когда-нибудь придет это время. И вот оно пришло.

Все молча и неподвижно глядели на Ганимеда.

– Древние предсказывали не только эту войну, самую последнюю, III войну, – продолжал белый волшебник, – есть древнее пророчество о конце нашей эпохи, которая уйдет в небытие времени, когда закончится великое противостояние двух сил – Света и Тьмы.

– Что означает конец эпохи? – спросила королева эльфов, – что значит для нас?

– Древнее предсказание весьма туманно и неясно, моя дорогая королева, – ответил Ганимед, – каждый может истолковать предсказание наших прародителей по-своему, так, как ему хочется.

Это пророчество такое же древнее, как и этот мир. Хранят память о нем только старейшие из сильных мира сего. Никто не знает, откуда знание этого пророчества пришло к нам. Однако сомневаться в его достоверности и отвергать его не следует, так же, как и полностью полагаться на него.

– Могут ли черные маги знать об этом древнем пророчестве? – спросил Олдрек.

– Мой друг, это не имеет значения, – ответил Ганимед, – если бы даже они знали об этом – это не остановило бы их.

– Я склонен думать, что волшебникам из Ордена Змеи и Хозяину это пророчество должно быть известно, – сказал Энрид, – однако они понимают его по-своему и воспринимают как знамение для начала действия, для завоевания мира, который после окончания старой эпохи перейдет в эру их господства.

– Черта с два! – вдруг вскрикнул гном, вскакивая и грозя огромным кулаком; его кустистые брови сомкнулись на переносице, – не бывать этому! Да будь проклят весь славный род гномов, если мы допустим такое!

Одновременно Олдрек с силой стукнул сжатым кулаком по подлокотнику своего кресла. Ярость исказила его лицо.

– Логвин прав! Мы должны помешать им!

– Несомненно, Олдрек, – Энрид мягко кивнул, – это наш долг. И у нас есть кое-что, о чем мы должны позаботиться, что не должно попасть в руки черных магов – шар Тьмы...

Многие непонимающе смотрели на Энрида, ожидая продолжения его речи. Но он замолчал на пару минут, погрузившись в какое-то грустное оцепенение.

– Это большая ошибка и вина с нашей стороны, со стороны белых волшебников, – начал он, – что мы позволили частице Тьмы остаться в Срединных Землях. Ведь шар Тьмы до сих пор в Срединных Землях... Мы, белые волшебники разных эпох и времен, всегда знали это, но никогда не искали его и не пытались уничтожить.

Когда Ариман понял, что шансов на победу в Срединных Землях у него нет, он попытался спастись бегством на Темную сторону. В руках у него был шар Тьмы – он мог попасть прямо туда, на самую далекую, тайную землю Тьмы, далеко-далеко за Зловещие горы, туда, где Тьма сгущается и исчезает небо и земля. Но это было очень опасно – из Тьмы он мог не выбраться, он знал это, – он мог просто раствориться во Тьме, в пространственно-временной дыре, нематериальной мире, небытие... и сгинуть из Лемурии навсегда. И, чтобы попасть на земли Темной стороны, пригодные для жизни, расположенные ближе к Срединным Землям, Ариман направился к Ущелью в Зловещих Горах – с древности было известно предание, что через Ущелье можно попасть на Темную сторону. Но никем это так доказано и не было, за все века. Ариман не успел спуститься в Ущелье – его враги, могущественные древние маги, настигли его прямо на краю обрыва. Там основатель Ордена Змеи нашел свою погибель. А шар Тьмы упал в Ущелье и канул в небытие.

Все вы слышали о темном народе – араканах. Эти бесплотные порождения Тьмы, навещающие ужас на людей, пришли в Срединные Земли с Темной стороны на заре эпох – но недолго прожили здесь. Их изгнали, и больше они никогда не возвращались на земли людей. Но есть поверье, что не все араканы ушли за Зловещие горы – часть из них, скрываясь от гонений, спустилась в Ущелье и там обосновалась на века. Некоторые из араканов могли колдовать, и ходят среди белых волшебников рассказы, что эти темные существа наложили чары на Ущелье, заколдовав спуск в него в лестницу – лестницу мертвых – и пройти этот спуск и вернуться живым не удавалось никому. Но это конечно глупые выдумки – у араканов никогда не было столько силы и умения в колдовстве. Я более склонен верить в то, что заколдовали Ущелье

первые черные маги древности. Они верили, что через Ущелье можно попасть на Темную сторону, как и Ариман, поэтому и заколдовали это место.

Об Ущелье ходит много мрачных легенд, и люди боятся приближаться к нему. Среди народа говорят, из Ущелья исходит зло, и никто, кто бы ни спускался туда, не возвращался оттуда. Ни один сильный белый маг не спускался туда. А черные волшебники об этом не говорят, даже на Совете старейшин – ловко уклоняются от прямых ответов...

На некоторое время настала тишина. Люди, эльфы, гном, скальды разглядывали узоры на полу площадки, окружающий сад, небо наверху, друг друга, сидели в задумчивости, в неподвижности или постоянно меняя позу.

– Мы должны спуститься в Ущелье и найти шар Тьмы, – вдруг решительным голосом заявил Гладвин.

– Однако мы не уверены в том, что шар Тьмы в Ущелье, – заговорил один из белых волшебников, – а если он действительно там, то может быть в руках араканов...

– Тогда тем более надо действовать быстрее! – воскликнул Гладвин, – если маганы или черные маги доберутся до араканов раньше нас... а араканы! те, из них, кто умеет колдовать, смогут даже сами воспользоваться шаром Тьмы!

– Нет, – возразил Энрид, – шар Тьмы подвластен только сильным черным волшебникам. Араканы никогда не владели искусством магии на уровне сильных чародеев. Однако, мои друзья, – шар Тьмы не уничтожен, я знаю это, как знаю то, что есть Тьма и есть Свет. Это знание есть в моем сознании, однозначно и твердо. И у нас больше нет ни одной догадки, где бы могло находиться это древнее магическое творение.

– Но как нам спуститься в Ущелье? – поднимаясь и в отчаянии возделывая руки к небу, спросила королева Номанна, – эльфы не выдержат такого близкого присутствия Тьмы... Для нас это загадочное злое место, Ущелье, и эта частица Тьмы, заключенная в шар, будут губительны...

– Есть одна вещь, которая смогла бы разогнать густой мрак над Ущельем и противостоять шару Тьмы, – сказал Ганимед, и все разом уставили на него внимательные взгляды; волшебники однако сразу поняли, что хотел сказать Ганимед, и призадумались, некоторые лица выражали озадаченность, – когда три народа эльфов пришли в Срединные Земли со Светлой стороны в стародавние времена – у них были частицы Света. Три светящихся Фиала несли короли эльфов древности на родину людей. С помощью частиц Света здесь, в Эльдаре, и в Ливадии, – волшебник кивнул принцу Эйвинду, – воцарилось вечное лето, эти края стали благословенны.

– Но мой добрый друг Ганимед, – сказала королева, – ведь вам известно, что Фиалов давно нет. Они давно уничтожены – с их помощью мы победили в I и II войнах!

– Нет, – Ганимед улыбнулся, – погибли два Фиала, послужив нам в борьбе с темными силами. Фиалы, принадлежавшие древним королям Эвинору и Лиануру. Что случилось с Фиалом, несшим силу Света, в руках короля Флориана – неизвестно. Возможно, он лежит на дне океана, возможно где-то еще. Но – он есть. Я это знаю... вам не объяснить это знание – возможно, прожив столько же веков и так много посвятив изучению магии и Срединных Землей, вы смогли бы понять меня, – Ганимед посмотрел на Энрида, друидов, других белых волшебников; они понимали, о чем он говорит, – шар Тьмы и Фиал Света существуют где-то в Срединных Землях, уравновешивая друг друга, эти две противоположные сущности одной единой силы, объединяющей нас всех, всех сильных волшебников.

– Сияющая звезда... Фиал Света.. – задумчиво, полупрошептом проговорила королева Номанна; на губах заиграла легкая улыбка, глаза засветились, – еще его называли великим светочем... Если в наших руках будет сиять Фиал – нам будут не страшны привидения, обитающие в Ущелье, безликий ужас, царящий внизу, бестелесный страх, кружащий над головой. Сила Света и добра, заключенная в Фиале, защитит нас. Присутствовавшие с изумлением посмотрели на королеву.

– Да, последний Фиал осветит наш путь в Ущелье и поможет совладать с шаром Тьмы, – спокойно произнес Энрид, – мы отправимся в путь, в который много веков назад отправился король Флориан со своим народом, чтобы найти Фиал.

Когда совет окончился и все люди и эльфы разошлись, Клерви еще оставался сидеть на своем месте, блуждая невидящим взглядом по пустынной площадке, залитой вечерним солнцем. Листва могучих деревьев, обступавших площадку со всех сторон, превратилась в однородную темно-зеленую массу, тихо шелестевшую под легкими порывами недавно поднявшегося ветра. Все птицы замолкли, и только откуда-то издалека, из глубин леса доносились приглушенные звуки спокойной музыки. Клерви пытался обдумать все, что произошло, но ему было трудно осмыслить все сразу.

Вдруг его плеча легонько коснулась чья-то рука – подняв голову, он увидел Ганимеда. Никанор вышел вместе с Гладвином, и на площадке осталось только два друида и Энрид, тихо беседовавшие о чем-то.

– Что ты думаешь, Клерви? – спросил Ганимед.

– Это все так неожиданно, – признался Клерви, – еще недавно я был так далек от всего этого... Мне сложно поверить даже в то, что я здесь.

Ганимед похлопал его слегка по плечу. Он спустился по ступенькам с площадки и жестом позвал Клерви за собой.

Они прошли среди деревьев и оказались у маленького фонтана из белого мрамора. Клерви зачерпнул в сложенные ладони воды и отпил пару глотков.

– Клерви, может быть, ты голоден? – спохватился Ганимед, и, не дожидаясь ответа, взмахом руки оторвал с ближайшего дерева красное яблоко, подхватил его из воздуха и протянул Клерви.

Молодой человек поблагодарил волшебника и откусил яблоко. Он присел на край фонтана, опустив одну руку в прозрачную воду. Ганимед расположился рядом на торчавших из земли мощных, сплетенных между собой корнях деревьев. Съев яблоко, Клерви потянулся, подставляя лицо теплым солнечным лучам и глубоко вдыхая воздух, полный аромата свежей травы. От удовольствия он даже прикрыл глаза.

– Прекрасен город эльфов, не правда ли, мой друг? – спросил Ганимед, через полуопущенные веки глядя на Клерви.

– Да, – лицо Клерви осветила счастливая улыбка, – здесь чудесно. Не видел края, более прекрасного.

– Хочешь увидеть настоящее чудо? – спросил Ганимед, и, когда Клерви неуверенно кивнул, встал на ноги и повернулся в сторону сада.

Взгляд его стал сосредоточен, глаза слабо засветились. Потом он протянул вперед руки, словно зовя кого-то, и улыбнулся чему-то. Клерви тоже вскочил на ноги и стал всматриваться в сад. Среди деревьев вдалеке появилось белое округлое пятно.

Ганимед тихо рассмеялся, призывая тень к себе. Тень стала медленно приближаться, и скоро Клерви увидел белую, всю светящуюся лошадь. Она была небольшой, мельче стандартных размеров. Она медленно и осторожно шла между деревьев, с опаской поглядывая на Клерви и Ганимеда, часто останавливаясь в нерешительности. Ганимед затянул тихую спокойную песенку на светлом наречии – острые уши лошадки зашевелились, и, словно узнав знакомые слова или мотив, она пошла быстрее. Когда она приблизилась, Клерви смог разглядеть ее длинные густые гриву и хвост, ослепительно белые; шерсть ее вся искрилась в лучах вечернего солнца. Даже копыта были безукоризненно белыми. Изю лба, между сияющими сине-зелеными глазами, торчал рог, закрученный по спирали, с жемчужным отблеском, словно покрытый перламутром.

– Единорог, – произнес Ганимед, прикасаясь к гладкой сияющей шерсти на голове.

Клерви не мог выговорить ни слова – ему казалось, что зрение обманывает его. Он не мог поверить, что шерсть может так светиться – и даже протер глаза. Это казалось ему сверхъестественным. Он тоже прикоснулся к шерсти единорога – она была теплой, гладкой и мягкой на ощупь, вполне естественной. Единорог вздрогнул от прикосновения Клерви, но Ганимед что-то прошептал ему успокаивающе, и животное осталось стоять рядом с ними, не спуская ярких глаз с Клерви. Молодой человек посмотрел в яркие внимательные глаза единорога, и ему показалось, что тот все понимает.

– Да, это настоящее чудо, – в изумлении и восхищении пробормотал Клерви.

От единорога словно исходил свет – воздух вокруг него будто наполнялся неуловимым сиянием. Клерви было невыразимо приятно глядеть на него и гладить по голове. На душе у него стало тепло и очень спокойно. Он захотел даже обнять его и прижать к себе, но единорог испуганно попятился назад.

– Это необычное животное, – сказал Ганимед, угощая единорога сорванным с яблони плодом, – они обладают волшебной силой. Также как и драконы, некоторые орлы, змеи, пауки, волки... Единороги пришли сюда со Светлой стороны, они создания Света.

Съев яблоко, единорог принялся вылизывать руку Ганимеда. Старый волшебник прошептал что-то на светлом наречии единорогу и указал на сад. Клерви безумно не хотелось отпускать единорога. Он провел рукой по спине животного, когда тот поворачивался, а затем тоскливо смотрел ему в след, когда единорог поспешно скрывался среди деревьев. Все вокруг словно потускнело, и Клерви ощутил, как необъяснимые покой и радость покинули его сердце.

– Единороги избегают людей, – сказал Ганимед, провожая взглядом единорога, – они боятся их.

Клерви посмотрел на Ганимеда, и вдруг понял, что его лицо стало нечеткими, размытыми. Пространство вокруг него вдруг наполнилось белым туманом, словно с неба спустилось облако и заполонило весь сад.

– Что с тобой, Клерви? – обеспокоенно спросил Ганимед, приближаясь к нему.

Клерви хотел что-то ответить, но не мог – слова застывали на губах. Глаза его сами собой закрылись, но белый туман, застилавший глаза не исчез, а, наоборот, окружил его со всех сторон непроницаемой стеной. Клерви захотел дотронуться до глаз рукой, чтобы убрать странную белую пелену, но рука не повиновалась ему. Его тело словно стало свинцовым, таким тяжелым, что сделать любое движение казалось непомерно трудным. Он свалился на мягкую траву – Ганимед поддержал его, он чувствовал прикосновение его рук. Клерви сделал один длинный выдох, и в следующую секунду его тело словно растаяло и остался один его дух, способный путешествовать сквозь время и пространство. У Клерви возникла мысль, что он, его душа, покинула тело и теперь летит в неизвестность, откуда можно обозревать все, что происходило, происходит и произойдет в мире, туда, где нет реальности. Через минуту ощущение полета в небытии прекратилось, и он оказался снова в реальном мире, но в совершенно другом месте и времени...

...По заснеженному безмолвному лесу бежала одинокая фигура. Очень скоро Клерви понял, кто это – волшебница с севера. Ее изможденное лицо выражало муку. На ней было темное платье, с оборванными подолом и рукавами; обнаженные перепачканные руки и ноги были покрыты ссадинами и ушибами. Длинные волосы растрепались, на ногах были порванные полусапожки. Она бежала, постоянно спотыкаясь, цепляясь руками за деревья и камни.

Наконец она выбежала из леса в поле, покрытое обледелой снежной коркой. Она обернулась назад – лицо ее стало еще более тревожно и напряжено. Она быстро побежала по полю. Среди деревьев в лесу показались смутные тени.

Когда она подбежала к другому концу поля и начала взбираться по склону холма, из леса на поле выбежали воины в доспехах и в белых плащах. Их было много: часть из них были

на конях, другие бежали с копьями наперевес. Раздались дикие грубые крики – воины увидели беглянку. Волшебница обернулась, но не прекратила бег. Неожиданный порыв холодного ветра растрепал ее волосы, и тут только Клерви увидел на ней золотое широкое украшение, плотно прилегавшее к ее тонкой шее.

Волшебница карабкалась наверх, на вершину холма, за которым дальше высились горы. Она цеплялась за острые камни, ранившие ее белые руки. В разрывах между туч на секунду показалось тусклое холодное солнце – оно блеснуло на тугих золотых браслетах, одетых на израненные тонкие запястья. Она очень тяжело дышала, словно ей не хватало воздуха. Она взобралась на вершину холма и оглянулась назад. Всадники неистово хлестали лошадей, они были уже на середине поля. В колдунью полетел град стрел, но ни одна не задела ее. Она не была испугана. Ее лицо выражало лишь силу и сосредоточенность. Она собрала всю свою силу и волю в кулак и бросилась бежать дальше – и от этого толстое золотое кольцо на ее шее словно стало сильнее душить ее. Она задышала часто и тяжело – плечи и грудная клетка высоко поднимались, и страдание отобразилось на ее лице. Она дотронулась рукой до своей шеи – на ней были красные ссадины. В тот момент, когда она повернулась к противоположному склону холма, в воздухе снова просвистели острые стрелы – и одна вонзилась ей в плечо. Волшебница поморщилась от боли, но тут же с силой вытащила стрелу и продолжила бег. По ее руке заструилась темно-красная кровь.

Сзади раздавался топот множества копыт, безумные крики воинов, чью агрессию удваивал огромный страх перед ведьмой – они боялись ее больше самой смерти. Она сбегала вниз по склону, петляя между камней и валунов, и обернулась лишь раз, чтобы увернуться от стрел, выпущенных воинами. Одна стрела попала в ее тонкую хрупкую ногу ниже колени. Волшебница быстро вытащила ее и снова побежала. Но в следующее мгновение она, оступившись от бессилия, упала и покатила вниз по крутому склону, пока не ушиблась об серый валун, покрытый коркой льда. От удара она закашляла, приложив пальцы к губам – на пальцах осталась кровь. В воздухе засвистели стрелы, и она быстро отскочила в сторону, потом с трудом поднялась и побежала дальше, а всадники были уже совсем близко, они обнажали уже свое оружие...

Глава 6

После совета прошла неделя. В Эльдаре готовились к дальнему путешествию. Клерви и Никанор вызвались отправиться в путь вместе с Ганимедом, Энридом и несколькими белыми магами их орденов, и волшебники не нашли повода отказать им. Королева Номанна приказала приготовить к плаванию огромный пятимачтовый корабль, на корме которой было написано золотыми буквами – «Фортуна». Вместе с белыми волшебниками и командой экипажа в плавание отправлялись принцы Арланарион и Эйвинд.

В последний день до отплытия Клерви проснулся рано. Он вышел на террасу, ставшую уже знакомой, и увидел Никанора, упражнявшегося в борьбе. Скальд подошел к нему и вручил ему бронзовый меч, подаренный Клерви Ганимедом.

– Я почистил и заострил его для тебя, – сказал скальд, – он пригодится в путешествии.

– Спасибо, Никанор, – Клерви по-дружески похлопал его по плечу, – чтобы я без тебя делал?..

– Не стоит благодарности, дружище, – улыбнулся Никанор; чуть погодя, за завтраком он спросил:

– Что ты думаешь обо всем этом? Не страшно тебе отправляться в путешествие в неизвестную даль севера?

– Я не знаю, что и думать, – признался Клерви, – но я хочу бороться за светлое будущее вместе со всеми. С Ганимедом и Энридом мне не страшно, они всегда все знают... С ними мы никогда не пропадем. А главное, мне снятся сны о черных волшебниках – и я должен обязательно рассказывать о них Ганимеду. Поэтому я должен быть рядом с ним.

– И часто тебе снятся такие сны в последнее время? – с нескрываемым интересом спросил Никанор.

– В последний раз – после совета, – приглушенным голосом сообщил Клерви. Он стал очень трепетно относиться к своим видениями – ведь они могли помочь в борьбе с черными магами.

– И что ты видел?

– Я видел, – Клерви торжественно поднял указательный палец, – волшебные украшения, которые не позволяют черным колдунам пользоваться своей силой.

– Оо, – Никанор весь подался вперед, – а как они выглядят? Как ты понял, что это не простые украшения?

– Я рассказал весь сон Ганимеду, и он сказал, что это магические вещи, – ответил Клерви, – он сказал, что это единственное, чем можно победить сильного волшебника.

– И белых волшебников тоже?

– Не знаю, наверное... Я видел в своем видении черную колдунью. Ту самую, что в прошлом моем сне была среди христиан.

– И что сказал Ганимед? Что это хорошо или плохо?

– Мне кажется, это обеспокоило его, – сказал Клерви, – он сказал, что не понимает, откуда эти волшебные украшения оказались у простых людей. Он сказал, что, значит, скорее всего, кто-то из черных магов продал людям их. Что среди черных колдунов есть предатели. Потому что эти украшения – творения черной магии. И еще сказал, что белым волшебникам тоже надо быть готовыми в случае встречи с христианскими воинами к тому, что они могут применить эти волшебные украшения.

– Ух ты, ничего себе, Клерви, – Никанор смотрел на друга с восхищением, – да ты просто бесценен для волшебников! Лучше любого шпиона!

Клерви скромно улыбнулся. Ему было неловко, он привык всю жизнь считать себя простым сапожником. Тщеславие было ему вовсе чуждо. Но он чувствовал счастье от того, что мог помочь в борьбе против зла.

Они закончили завтракать и пошли прогуляться по Эльдару. Их прогулка затянулась почти на весь день. Зная, что гостят в Эльдаре последний день, они никак не могли сполна насладиться светлыми улицами и зелеными парками эльфийского города. Они обошли почти весь город, и ни разу не попались им ни одна лавка, ни одна ярмарка. Проголодавшись, они зашли в один из многочисленных садов Эльдара, приметившийся им обилием фруктовым деревьям. Не заметив сторожей или еще хоть кого-нибудь в саду, они принялись собирать свежие плоды в тряпичную сумку, которую Никанор так удачно захватил с собой. Затем они поднялись на небольшой пригорок за садом и уселись в душистой траве. С пригорка был виден водопад, которым падала в долину Эльдара река. Белый город сверкал в ярких лучах дневного солнца. В чистом прозрачном воздухе чувствовался дивный аромат цветов, которыми порос весь восточный, обращенный к Светлой стороне склон пригорка. Клерви и Никанор молчали, наслаждаясь природой.

– Клерви, а у тебя есть мечта? – вдруг спросил Никанор.

– Ммм... ну конечно, – ответил Клерви, – есть одна девушка..

Он замялся, и Никанор слегка стукнул его в плечо.

– Я знаю ее с детства. Она очень красивая.

Никанор рассмеялся, а потом вдруг мгновенно замолчал и погрузился, будто в голову ему внезапно пришла мрачная мысль.

– А ты? – спросил Клерви, внимательно смотря на скальда.

– Я не знаю, – глухим голосом ответил Никанор.

Клерви продолжал озадаченно смотреть на него.

– Я.. Я бы хотел стать самым лучшим воином-скальдом во всех Средних Землях, – признался Никанор, и щеки его порозовели, – не знаю, насколько я одарен...

– Послушай, ты самый лучший воин, которого я только встречал, – искренне сказал Клерви, – правда. Я восхищаюсь твоим мастерством.

Настало время смущаться Никанору.

– Спасибо, – буркнул он, склоняя лицо к груди и пряча его.

– Спасибо тебе, Никанор, что обучил меня боевому искусству. До твоего уровня мне никогда не подняться, – Клерви развел руками, – но все же... Раньше я меч и в руках то держать не умел.

– Это точно, – рассмеялся Никанор, – знаешь, чего бы я еще очень хотел?... Я бы хотел когда-нибудь попасть в летучий город Лоррингандер. Говорят, там очень красиво.

Я думаю, это так странно, ведь там правят черные волшебники... Как они еще не испортили город.

– Возможно, черные маги тоже могут создавать что-то красивое, – в задумчивости произнес Касс.

– Не знаю... Я бы хотел увидеть все своими глазами... Я всегда недолюбливал черных колдунов. Они все лживы, лицемерны и корыстны. Я уверен, что в грядущей борьбе они потерпят поражение – как и в предыдущих войнах. И тогда, надеюсь, Лоррингандером станут править белые волшебники.

– А я бы никуда не хотел уезжать из Эльдара... – с тоской оглядывая город, произнес Клерви, – только бы еще Ирена была здесь...

– Ты же говорил, что Половрик нравится тебе больше? – в голосе скальда чувствовалось ехидство.

– Ладно, – отмахнулся Касс, – Половрик мой родной город. Жить, конечно, в Эльдаре я бы не согласился, но погостить здесь пару месяцев не прочь. Особенно провести здесь зиму.

– Так значит, ее зовут Ирена? – вдруг будто спохватился Никанор. На его лице играла ехидная улыбка.

– Да, – Клерви широко улыбнулся.

Они помолчали пару минут.

– А знаешь, Никанор, – сказал Клерви, – ведь мы праздник Нового года проведем скорее всего не дома...

– Да.. Наверное в пути по Северному океану или еще хуже...

– Жаль. Новый год мой любимый праздник. И Рождество. Хотя я никогда не ходил в церкви по своему желанию и не носил крестика, праздновать Рождество я всегда любил. – И я. Новый год тоже мой любимый праздник... Ну, ничего не поделаешь. А представь, если действительно начнется война...

Вечером Ганимед пригласил их посидеть в гостинином зале перед камином. Клерви и Никанор уютно сидели в креслах-качалках, тихонько покачиваясь, и внимательно слушали Ганимеда. Старый маг рассказывал им обо всем на свете – о волшебстве, о Тьме и Свете, о вечной борьбе зла и добра, о людях и Срединных Землях. Он поведал им разные легенды и сказания и даже всякие небылицы, порой такие нелепые выдумки, что он сам смеялся вместе с ними. Маг все говорил и говорил, и Клерви уже начинал дремать. Потом огонь в камине потух, Ганимед, спохватившись, взглянул на настенные часы в зале, пожаловался, как быстро бежит время, и разогнал всех по кроватям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.